

Нежные
чувства

Версальская история

Эмилиа Остен

Эмилия Остен

Версальская история

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=269422
Версальская история: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38562-1

Аннотация

Юный виконт Дориан де Бланко оказался в непростом положении: семейные дела полностью расстроены, поместье обложено долгами, и ему волей-неволей приходится подчиниться требованию богатого дядюшки и отправиться с ним в Версаль. Здесь, при пышном дворе короля-солнца Людовика XIV, юноша встречает прекрасную Лоретту. По досадной прихоти судьбы семьи Дориана и Лоретты разделены давней враждой, и теперь юноше предстоит нелегкий выбор между долгом и любовью. Говорят, что препятствия и расстояния губят ложную любовь, зато помогают расцвести пышным цветом истинной, настоящей. Пришло время проверить это.

Литературная обработка *Екатерины Полянской*.

Книга также выходила под названием «Дворцовые страсти».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эмилия Остен

Версальская история

Посвящается Джулии

Пролог

В лесу было поразительно тихо. Казалось, здесь не осталось ни одного живого существа. Покой могилы, склепа. Дориан де Бланко накинул поводья коня на нижнюю ветку векового дуба и медленно пошел к часовне, скрывавшейся в небольшой ложбине. Маленький мостик, переброшенный через ручеек, тихо скрипнул. Слабый ветерок едва заметно прошестел в ветвях старых деревьев. Тишина.

Дориан приблизился к двери часовни и вошел внутрь. Свет проникал в помещение через единственное окно, расположенное над алтарем. Лучи заходящего солнца как раз скользнули внутрь, заливая золотом белую стену с распятием и мраморный алтарь. Тишина леса не шла ни в какое сравнение с тишиной этого места. Здесь не было пустоты, одиночества. Только покой, только единение. Дориан верил в бога искренне и непоколебимо. Здесь, в часовне, он чувствовал присутствие Всевышнего так ясно и явственно, как нигде больше. Когда-то давно, еще подростком, он нашел это место, надежно спрятанное в глубине леса, что занимал значительную часть владений виконтов де Бланко, и с тех пор приходил сюда всякий раз, когда хотел побыть... не один.

В последнее время Дориан приезжал в часовню каждый день, на закате. Теперь, когда он остался единоличным хозяином поместья, одиночество стало просто невыносимым. Дориан не жаждал общества ни в коем случае, но желал, страстно желал близости и понимания. Отец, большую часть жизни проводивший на войне или при дворе, мать, любящая, но всегда слегка отстраненная, брат... Брат. Ах, Жан-Люк! Дориан остановился перед алтарем и преклонил колени.

Их нет – ни отца, ни матери, ни брата.

Дориан зажег толстую свечу и поставил прямо на мраморную плиту. Огонек затрепетал.

Письмо, доставленное нарочным сегодня утром, лежало в кармане камзола. Эта короткая записка, всего несколько строк, выведенных мелким почерком с замысловатыми завитками, была словно дьявольское искушение. За месяцы, прошедшие со смерти Жан-Люка, Дориан успел смириться с тем, что все безнадежно. Он не видел выхода, не видел способа все исправить. Это угнетало его, мешало спать, мешало дышать. Поместье медленно умирало, поля и леса заполняла мертвенная тишина, словно из земли выкачали всю жизнь. Замок уже не просто ветшал, а разрушался, правое крыло пришлось закрыть после того, как кусок штукатурки, отвалившийся от потолка, едва не убил горничную. Земли арендаторов превращались в болото, потому что старая система осушения пришла в полную негодность. Дома вассалов рассыпались прямо на глазах. Дориан искал выход, но не находил. Он умел терпеливо сносить невзгоды, однако сейчас терпение не могло ему помочь, требовались деньги, а их не было. Если бы Жан-Люк остановился раньше, если бы он вообще остановился... Дориан мрачно улыбнулся: смерть остановила брата, только оказалось уже поздно. Как для Жан-Люка, так и для владений виконтов де Бланко. Слишком поздно.

Дориан покачал головой, отгоняя мрачные мысли, и вознес молитву. Он не просил ничего, просто обращался к Всевышнему, как сын обращается к отцу за поддержкой. Дориан

никогда не отличался нерешительностью, однако сейчас его душа хотела одного, а долг повелевал совершенно другое.

Если бы он отвечал только за себя! Если бы он был один!

Дориан закрыл лицо руками.

Он одинок, но не один. Его вассалы, его земли, его замок – это не просто собственность де Бланко. Это прежде всего ответственность и долг виконтов. Дориан это понимал, в отличие от старшего брата.

Если бы Дориан не стал виконтом де Бланко, он бы мог решать только за себя. Теперь все гораздо сложнее. Он достал письмо из кармана камзола и перечитал уже в сотый раз.

Если бы не поместье, то не пришлось бы даже отвечать на это письмо. Дориан мог бы просто жить, как живет, мог бы выбрать любой путь. Армия, колонии – что угодно. Но как виконт де Бланко он обязан подчиниться. Все его существо протестовало, вот только выбора не оставалось.

Как бы это ни было противно его душе, виконту Дориану де Бланко приходилось подчиниться. Он должен отправиться туда, где ему абсолютно не место.

Ко двору.

Глава 1

Версаль, Франция, 1680 год

– Король собирается устроить грандиозный праздник в конце лета. Ты знаешь об этом? – Лоретта положила вилку и внимательно взглянула на брата.

– Нет, не слышал. – Как всегда, немного хмурый по утрам, Арсен был больше занят своим завтраком, а не щебетанием сестры. – А что, это так важно?

– Разумеется! Ты бы и сам мог это понимать. – Девушка увлеченно стала рассказывать: – Говорят, будет до сотни тысяч гостей. Устроят великолепный праздник с огнем и водой. Одна из фрейлин шепнула мне, что его величество хочет порадовать таким образом супругу.

– Вряд ли супругу – скорее радость достанется госпоже де Монтеспан, – заметил Арсен. Тема его не привлекала (к праздникам шевалье де Мелиньи относился равнодушно), но ради сестры он поддержал беседу.

– Это грандиозно, как ты не можешь понять! Его величество любит королеву! – Лоретта кинула в брата долькой яблока.

Арсен небрежно поймал дольку на лету и отправил в рот.

– Его величество любит развлечения, – лениво протянул он, – его величество любит танцы. А мы собрались здесь для того, чтобы восхищаться его величеством. И неважно, в чью честь будет праздник, главное – чтобы все остались довольны и мы не поссорились с Испанией, так ведь?

– Ох, Арсен, – Лоретта покачала головой, – не вздумай произнести это прилюдно. Если тебя услышат придворные острословы...

– Пусть слушают – я верен короне, – напыщенно заявил брат. Арсен обычно не обращал внимания на праздные разговоры и еще меньше боялся, что пересуды ему повредят.

– Да, я вижу, – буркнула Лоретта. Поведение брата временами казалось ей слишком рискованным.

Из большого окна лился тяжелый солнечный свет – в июле, несмотря на близость воды, в Версале даже ранним утром было невыносимо жарко. Да и какая это вода – болота, обычные болота. Лоретта никогда не сказала бы этого вслух, но о чем размышлял его величество, избрав для строительства своей непревзойденной резиденции болотистую местность? Летом – жара и комары, зимой – нестерпимый холод и дурная вода. Однако все это забывалось, стоило выйти из небольших комнат, принадлежавших Мелиньи, и пройти хотя бы по ближайшей галерее. Все меркло перед сиянием Версаля, перед гением людей, его творивших.

Соседство с болотами, в конце концов, можно и стерпеть. К тому же ходили слухи, что слуги короля собираются по приказу его величества местами осушить топи, местами облагородить, превратив в пруды.

Лоретта оглядела стол и поняла, что вряд ли захочет съесть что-то еще. Арсен закончил завтрак раньше ее. Девушка дотянулась до колокольчика и позвонила. Проворная горничная принялась убирать со стола, аккуратно и бережно составляя чашки и тарелки на посеребренный поднос. Ни одна посуда из тонкого фарфора не звякнула.

– Чем ты намерена заняться? – осведомился брат. – Вижу, сегодня ты никуда не торопишься.

– Королева решила, что утром будет отдыхать от компании, – рассмеялась Лоретта. – Все так переполошились, заподозрили, что она больна... Но нет, ее величество просто изволят быть эксцентричной.

– Королевы могут себе это позволить, – снова не удержался от ехидства Арсен.

– В общем, все фрейлины утром свободны, – продолжила Лоретта, пропустив реплику брата мимо ушей. – Поэтому я собираюсь пройтись по парку, почитать книгу... – Девушка вздохнула.

– Будешь искать общества? – улыбнулся Арсен.

– О нет, – девушка печально покачала головой. – Общество, думаю, само меня найдет.

– А! – ухмыльнулся Арсен. – Шевалье де Вилмарт не сдает позиций? Почему бы тебе, в самом деле, не ответить на его внимание, сестренка? Ты осчастливила бы его одной-единственной улыбкой!

– Я его и так регулярно подобным образом осчастливливаю, – фыркнула Лоретта. – Я даже позволяю ему поднимать мой веер, если тот вдруг случайно упадет, что происходило уже дважды, и еще разрешаю читать мне премерзкие стихи. Шевалье де Вилмарт мнит себя поэтом, но его вирши просто за гранью добра и зла.

– И ты еще смеешь обвинять меня в том, что я о ком-то непочтительно отзываюсь! – притворно оскорбился Арсен.

– Но, Арсен, ты же *умнее*! – воскликнула Лоретта.

– Не грешь, сестричка, преуменьшая свои достоинства. – Брат нежно улыбнулся. – Впрочем, все это шутки. Тебе полагается терпеть внимание поклонников, мучить их притворной сухостью, лишать надежд или наоборот – обнадеживать. Это восхитительная игра, блаженствуй, пока можешь. Выйдя замуж, ты будешь гораздо более ограничена в своих предпочтениях.

– О да, – произнесла Лоретта слегка потускневшим голосом. – Только ты забываешь – это же Версаль. Тут даже замужние дамы принимают знаки внимания от мужчин.

– Никто не может сказать, останешься ли ты при дворе после того, как сочетаешься браком с достойным тебя дворянином, – заметил Арсен. – А если твой муж окажется приверженцем сельской жизни, а не придворным от бога? Возможно, он будет не любить Версаль так же сильно, как наш дед не любит провинцию.

– Ты прав, как обычно. – Лоретта поднялась. – Пожалуй, я все-таки пройдуся, пока не стало слишком жарко.

– Мое почтение шевалье де Вилмарту, – крикнул брат ей вслед.

В своей спальне Лоретта задержалась ненадолго – только чтобы поправить прическу, убедиться, что с платьем все в порядке, и отыскать книгу. Прическа была идеальна – из нее выбился лишь один каштановый локон. Платье тоже сидело безупречно: нежно-голубое, с расшитым крохотными лилиями лифом, с достойным обилием кружев, прикрывающих грудь, но открывающих плечи. На шее Лоретты мягко мерцал кулон в форме изящной лютни – серебро и мелкие изумруды. Вещица досталась девушке в наследство от матери. Николь де Мелиньи вот уже восемь лет не было в живых, отец скончался через год после смерти любимой супруги, с тех пор о Лоретте заботился Арсен. Фактически опекуном девушки являлся дед, однако Жером де Мелиньи, увлеченный светской жизнью и придворными интригами, предоставил внуков самим себе. До поры до времени.

Книгу найти не удалось. В таком случае можно перечитать письмо, решила Лоретта. Девушка открыла бюро, извлекла пачку писем от нежно любимой подруги Анны, которая некоторое время назад вышла замуж за состоятельного англичанина и сейчас счастливо жила в роскошном имении в Девоншире. Лоретта взяла с собой последнее послание. Оно было уже прочитано, однако девушке хотелось перечитать его еще раз. И еще нужно побыть в

тишине, подумать. Возможно, ей даже не помешают, хотя здесь трудно отыскать уединенное место. Каждый день в Версаль стекались те, кто жил в близлежащих замках или в Париже, а уж что говорить о постоянных обитателях дворца! Двор еще не весь переселился сюда, предпочитая привычный Лувр, однако его величество проводил в Версале много времени, и придворные съезжались за ним. Дворец все еще строился, возводились новые галереи, в саду шли работы, но уже давно было понятно, что король собирается поселиться здесь навсегда.

Фрейлины ее величества и вовсе не отлучались далеко и надолго, особенно молодые и незамужние, как Лоретта. Не то чтобы, выйдя в сад на пару часов, девушка могла непорочно погубить репутацию, однако Мария-Терезия предпочитала держать юных созданий под присмотром. Скорее всего, королева хотела уберечь молоденьких фрейлин от соблазнов королевского двора, которые подстерегали в буквальном смысле слова за каждым углом; возможно, она поступала так в пику фавориткам короля – уж если не отставной Луизе де Лавальер, то точно нынешней, мадам де Монтеспан. Хотя не исключено, что она вообще об этом не задумывалась. Лоретте казалось иногда, что королева живет в другом мире, недоступном простым смертным; это немного пугало и вызывало уважение. Не зря же говорят, что особы королевской крови – не такие, как все.

Лоретта не в первый раз порадовалась, что у их семейства имеются в Версале собственные апартаменты. Об этом Жером де Мелиньи побеспокоился. Дед не желал, чтобы его внуки ютились с остальными придворными, особенно состоявшими в услужении у монархов. Мария-Терезия вместе с фрейлинами занимала всего одиннадцать комнат на втором этаже, тогда как к услугам мадам де Монтеспан были двадцать прелестных комнат на первом этаже, и король ни в чем не отказывал фаворитке. Хотя в последнее время ходили слухи, что он уже изрядно устал от ее капризов и все чаще обращает взоры на неразговорчивую Франсуазу д'Обиньи. У его величества имелась и еще одна любимица, мадемуазель де Фонтанж, которая, впрочем, была недостаточно яркой, чтобы надолго удержать внимание Людовика. Правда, на количестве комнат все это пока не отражалось. Фрейлины королевы обретались в крошечных каморках, где кровати вплотную стояли друг к другу и на каждой из них девушки спали по двое. Гардеробная была одна на всех, как и туалетная комната.

– Моя внучка не должна жить вместе с придворными дамами, их там и так хоть отбавляй. Нет, мы можем позволить себе большее, – заявил граф де Мелиньи; и когда Арсен и Лоретта прибыли в Версаль, их разместили в небольших, но очень уютных апартаментах. Правда, располагались они в дальнем крыле дворца, однако это сущие пустяки.

Лоретта вышла в коридор, миновала длинный ряд дверей – за одними слышались возня и приглушенное хихиканье, за другими царил тишина: час для королевского дворца был непристойно ранним. Как правило, блистательное общество гуляло почти всю ночь и отправлялось спать около четырех утра, соответственно, и вставали аристократы не раньше полудня, кроме некоторых, к которым относились и члены королевской семьи. Лоретта легко приспособилась к ранним подъемам королевы, ведь в провинции, где девушка провела большую часть жизни, привыкли просыпаться ни свет ни заря. Зато большинство фрейлин, всю ночь танцевавших на балах и тешивших себя светскими разговорами, отчаянно зевали во время утреннего ритуала умывания и облачения ее величества. Некоторые наловчились даже подремывать, опершись на стену или мебель...

Сегодня фрейлинам улыбнулось счастье: можно спокойно почивать до обеда. А вот Лоретте не спалось.

Она распахнула неприметную дверь, выскользнула на улицу, прошла по усыпанной золотистым песком дорожке и вскоре вступила под сень раскидистых деревьев. Парк простирался далеко и казался настоящим чудом. Лоретта медленно шла по дорожке, вдыхая сладкий запах уже распустившихся цветов, наслаждаясь тишиной и ранним утром. Она одна, и это так хорошо. Можно спокойно предаваться размышлениям.

Девушка нашла скамью в тени дуба, рядом с клумбой тюльпанов. Его величество очень любил всевозможные растения, особенно апельсиновые деревья – ими был уставлен весь Версаль, что весьма удручало министра финансов Кольбера: такая прихоть стоила недешево. Впрочем, голландские тюльпаны, которые выращивали в зимних садах, тоже стоили не два су. Однако они радовали глаз, и – вот забавно! – в своем последнем письме Анна как раз писала о тюльпанах. Лоретта опустилась на скамью, старательно подобрав юбку, и развернула листок. Послания подруги, нацарапанные мелким, убористым почерком, всегда были подробными, интересными и обстоятельными. Не то что у Лоретты, которой не хватало на это иногда усидчивости, а иногда времени.

«Здесь, в Англии, – писала Анна, – к тюльпану относятся очень поэтично: в волшебных легендах эти цветы служат колыбельками для маленьких эльфов и других фантастических крошечных существ. Местные слуги, которые так любят коротать вечера за увлекательными историями, – совсем как наши, милая Лоретта, верно? – немало порассказали мне. В Девоншире есть сказка о феях, которые укладывали своих малюток на ночь в цветы тюльпанов, а ветер качал и баюкал их. Как-то раз одна женщина вышла ночью с фонарем в свой сад, где росло много тюльпанов, и увидела в них несколько прелестных крошек. Она была настолько восхищена этим необыкновенным зрелищем, что в ту же осень высадила в саду еще больше тюльпанов, и вскоре этих цветов оказалось вполне достаточно для того, чтобы разместить в них детей всех окрестных волшебниц. Ясными лунными ночами женщина отправлялась в сад и часами любовалась, как эти крохотные создания сладко спят в атласных чашечках, покачиваемые нежным ветерком. Сначала феи тревожились, чтобы женщина не причинила какого-нибудь зла их деткам, но потом, видя, с какой любовью она к ним относится, перестали волноваться и, желая отблагодарить ее за доброту, придали ее тюльпанам самую яркую окраску и чудный, как у роз, запах. Они благословляли эту женщину и ее дом, и на протяжении всей жизни ей во всем сопутствовал успех. Когда она умерла, то дом и сад унаследовал ее очень скупой родственник. Корыстолюбивый и жестокий, он прежде всего уничтожил сад, считая, что цветы выращивать невыгодно, и развел огород, засадив его в основном петрушкой. Такой поступок вызвал сильное раздражение фей, и каждую ночь, как только наступала полная темнота, они слетались из соседнего леса и плясали на овощах, вырывая их, ломая корни и засыпая пылью их цветы. На протяжении нескольких лет овощи не могли расти на этом огороде, так как, только появившиеся, их тут же топтали и рвали в клочья; между тем могила бывшей благодетельницы фей всегда волшебным образом зеленела и была покрыта роскошными цветами, а прекрасные тюльпаны, посаженные у самого ее изголовья, цвели и благоухали до глубокой осени, когда все другие цветы уже увядали. Миновало несколько лет. На смену скупому хозяину явился еще более черствый родственник, не имевший ни малейшего понятия о красоте. Он вырубил все окрестные леса, перестал ухаживать за могилой: она была затоптана, а тюльпаны вырваны. Феи оставили это место, и с того времени все тюльпаны потеряли свою выдающуюся окраску и аромат, сохранив их лишь настолько, чтобы не быть совсем заброшенными садовниками...»

Эта чудесная история так понравилась Лоретте, что она с наслаждением перечитала ее. И хотя заканчивалась сказка невесело, все равно было в ней нечто ясное и хрупкое. То, что женщина, которая любила фей, прожила с ними в согласии до самой смерти, почему-то успокаивало. Лоретта не отдавала себе отчета в том, как ей хотелось бы оказаться на месте той женщины...

Нет, она не желала тривиальной сельской жизни. Она прожила в глуши все детство и часть юности, которая только начиналась – всего несколько дней назад девушке исполнилось восемнадцать. Лоретта очень любила свой дом неподалеку от Бордо, однако версальская круговерть захватила ее, увлекла в исступленном танце. Девушка предпочитала не видеть дурного и обращать внимание на хорошее. Она не считала, что вправе кого-то осуждать.

– Мадемуазель де Мелиньи! – Высокий ломкий голос раздался прямо у нее за спиной. – Как хорошо, что я повстречал вас! Я и не мечтал об этом, гуляя по саду в такой ранний час...

Прежде чем обернуться, Лоретта едва заметно поморщилась. У скамейки стоял шевалье де Вилмарт – худосочный парень, наследник какого-то провинциального дворянина, до сих пор не избавившийся от юношеских прыщей. Хотя пора бы – ведь ему уже за двадцать. Лоретта сама удивлялась тому, как присутствие де Вилмарта будит в ней ехидство – словно поднимается муть со дна винной бутылки.

– Доброе утро, шевалье, – холодно ответила девушка. Она-то шутила за завтраком, что общество само ее найдет, и вот надо же – сглазила!

– Я счастлив видеть вас, прелестная мадемуазель, – шевалье сорвал с головы слегка обтрепанную шляпу с весьма редкими перьями и согнулся в поклоне. Любопытно, где он ночевал? У де Вилмарта не было своих комнат в Версале. Шевалье то ли почивал в трактире неподалеку, то ли всю ночь бродил здесь, караулил. Или вообще спал на скамейке, завернувшись в плащ. Почему из всего огромного парка де Вилмарт облюбовал именно это место?

«А я не слишком этому рада», – хотелось ответить Лоретте, но этикет предусматривал другое, а сама она еще не научилась говорить людям в лицо неприятное. Для этого, как отмечал Арсен, она еще слишком мало пробыла при дворе.

– Взаимно, шевалье. – Однако она не обязана придавать теплоты голосу. Де Вилмарт неловко стоял у скамейки, придерживая шпагу, – она казалась Лоретте такой же унылой, как и ее хозяин. Оружие вообще очень похоже на людей, которые его носят. Вряд ли этот шевалье хоть раз дрался на дуэли... Ах да, он ждет позволения сесть. Подавив в себе желание не давать такого разрешения, девушка кивнула: – Садитесь, прошу вас.

Де Вилмарт, обрадовавшись, опустился на краешек скамейки, едва не споткнувшись о собственную шпагу. Какой же он неловкий, с неожиданным состраданием подумала Лоретта. Наверное, более решительные девушки над ним смеются, а она не позволяет себе этого, вот он и ходит за нею повсюду, как бездомный щенок.

– Я не видел вас целую вечность! – произнес шевалье. – Целую вечность.

– Всего лишь со вчерашнего дня, – напомнила Лоретта.

– О, это так долго! – патетически провозгласил де Вилмарт. Интересно, отчего большинство молодых людей предпочитает говорить высоким штилем? Да, комплименты выслушивать приятно, однако к чему облачать их в пафосные одежды и выдавать за истину в последней инстанции?

Невеселые размышления Лоретты были прерваны вопросом шевалье:

– Собираетесь ли вы присутствовать на сегодняшнем балу, мадемуазель?

– Скорее всего, – рассеянно отвечала девушка.

– Тогда, может статься, вы сочтете возможным подарить мне один танец? – Де Вилмарт замер в ожидании ответа. Лоретта вздохнула, взглянула в его печальные, полные неземной тоски глаза и обронила:

– Я подумаю.

Мысли девушки тем не менее были не о шевалье де Вилмарте, а совсем о другом человеке. Который, несомненно, придет на сегодняшний бал.

Глава 2

У маркиза де Франсиллона, приходившегося Дориану дядей по материнской линии, было премилое владение на полпути из Парижа в Версаль. На взгляд виконта де Бланко, дядюшка недурно устроился: и в столицу можно добраться без лишних хлопот, и в версальские сады – благо его величество Людовик XIV уже давно всерьез озабочен тем, чтобы сделать из бывших охотничьих угодий себе резиденцию.

Дориан заночевал в паре часов езды до дядино дома и потому прибыл в замок маркиза полный сил и выпавшийся. Стоял июль, и вдоль дорог россыпью цвели ромашки и еще какие-то цветы, названий которых Дориан не знал. Вот матушка – та в растениях разбиралась. Наверное, хорошо, если бы у нее была дочь: той можно рассказать все, что сыновьям не передашь. Сыновья матушку разочаровали, каждый по-своему.

Въезд на территорию замка был обозначен двумя скособочившимися столбами. На одном из них красовалась дощечка, и надпись на ней предупреждала, что здесь начинаются владения маркиза де Франсиллона. Дорога оказалась хорошая, накатанная, без колдобин и кочек. Дориан пустил коня легкой рысью, обогнал пару телег – одну груженную брюквой, вторую – сеном. Крестьяне везли подати сеньору.

Вскоре за холмами открылся вид на дядюшкин замок. Он был небольшим, но очень милым, с множеством острых башенок, как привыкли строить на Луаре. Над главными воротами висел герб де Франсиллонов – красный щит с внутренней каймой и со скворцом в центре. Дориан помнил, что это именно скворец, хотя птичка на щите ничем на него не походила.

В переходе, ведущем от главных ворот во внутренний замковый двор, шаг коня отдавался звучным эхом. Дориан проехал под прохладными сводами и снова окунулся в июльскую жару – во дворе было сухо, солнечно и пахло сеном. Шла обыденная хозяйственная жизнь: из конюшен доносилось негромкое лошадиное ржание, а два крепких молодых парня разгружали телегу с бревнами. Они покосились на Дориана и, прервавшись на мгновение, поклонились. Виконт де Бланко спешил и увидел, что к нему уже бежит вихрастый мальчишка лет десяти – скорее всего, помощник конюха. Юный пейзажник был облачен в измятую сизую рубаху с широким воротом и закатанные до колен широкие штаны. Мальчик остановился и заулыбался; он казался очень славным, с подвижным беззаботным лицом и встрепанными темными волосами.

– Позвольте забрать у вас коня, шевалье, – тоном завсегдатая светских салонов сказал мальчишка. Надо же!

Дориан улыбнулся в ответ, отдал мальчику поводья, и тот повел лошадь со двора.

Виконт осмотрелся. В дядином замке он побывал всего раз, когда маркиз де Франсиллон пригласил сестру и ее детей погостить у него несколько дней. Отец Дориана находился тогда в отъезде, а матушка с удовольствием приняла приглашение. В то время Дориану было восемь лет, а Жан-Люку – двенадцать. У виконта сохранились весьма смутные воспоминания о днях, проведенных в замке маркиза. Помнились кабаньи головы на стенах обеденного зала и высокие узкие окна в башенке, где располагалась спальня, отведенная братьям.

– Господин, мы рады приветствовать вас в замке Франсиллон!

Дориан повернулся и увидел седоголового мужчину – видимо, дворецкого. Интересно, куда подевался предыдущий, полный и лысоватый?

– Я виконт де Бланко, – произнес Дориан. – Дядя должен ожидать меня.

Дворецкий отвесил ему поклон, предусмотренный этикетом. Восхитительно. Лысый, как помнил Дориан, правильно кланяться не умел.

– Мое имя Жерар Бадре, сударь, – отрекомендовался дворецкий. – Я управитель дома маркиза де Франсиллона. Маркиз изволит почивать в столь ранний час. Полагаю, вам лучше

подождать и освежиться с дороги. Могу я препроводить вас в отведенные вам комнаты и выслушать указания?

– Препроводите, – разрешил Дориан. Надо же – ранний час! Кажется, когда он проезжал ближайший к поместью городок, часы на башне ратуши пробили десять.

Виконт последовал за дворецким. Тот проводил его высокой галереей, заканчивавшейся просторным залом, откуда на второй этаж вела лестница, устланная бордовым ковром. Звук шагов тонул в его густом ворсе, словно в осеннем тумане. Поднявшись по лестнице и оказавшись в коридоре восточного крыла, мужчины двинулись в самый его конец.

– Неужели! – Дориан огляделся и улыбнулся. – Неужели мы направляемся в ту самую башенку? – Виконт тут же спохватился, что дворецкий не понимает, о чем он говорит, однако тот оказался в курсе дела.

– Ваш дядя решил, что вы будете рады, если мы разместим вас в ваших прежних комнатах, – пояснил Бадре.

– Разумеется, – кивнул виконт.

«Как это предусмотрительно со стороны маркиза – сделать такой красивый жест в пользу совместных воспоминаний, – подумал он. – Матушка переписывалась с братом и в последние пару лет жизни утверждала, что двор его испортил. Видимо, она ошибалась. Разве можно судить о человеке только по письмам?»

Комната оказалась одновременно и больше, и меньше, чем помнил Дориан. Иная, чем прежде, кровать под пышным золотистым балдахинном с тусклыми вышитыми цветами, ковер, привезенный из Персии, большой камин, в котором, несмотря на жару, горел огонь. На стенах – портреты людей, глядевших исподлобья, – представители какой-то ветви генеалогического древа, не иначе. Прямо напротив кровати висел колоссальный тканый гобелен с не опознаваемым на первый, косой взгляд библейским сюжетом. Дориан пригляделся – оказалось, все та же вечная тема, поклонение волхвов.

– Гобелена раньше не было, – пробормотал виконт де Бланко.

– Да, господин, – немедля откликнулся дворецкий. – Маркиз выиграл это произведение искусства в карты не далее как три месяца назад. Его противнику нечего было больше поставить. Гобелен соткан в тринадцатом веке и... хм... оказался изрядно побит молью, когда мы его получили. Пришлось потратить много денег на восстановление, но мой хозяин решил, что это дело принципа.

– Почему же тогда он не повесил этот гобелен над собственной кроватью? – осведомился Дориан. – Раз уж так старался, чтобы выигрыш выглядел достойно.

– Во-первых, маркиз хотел доставить радость вам, – слегка поклонился дворецкий. – Ведь не каждому дано испытывать такое удовольствие – просыпаясь, глядеть на тринадцатый век. – По лицу Бадре скользнула мимолетная улыбка. – А во-вторых, по правде говоря, опочивальня его светлости уже так завалена трофеями, иные из которых весьма и весьма ценны, что этому сюжету не нашлось бы там подобающего места. Видите ли, маркиз весьма удачлив в картах.

Дориан хмыкнул: Жерар Бадре начинал ему нравиться.

– Когда придут ваши вещи, я прикажу немедленно принести их сюда, – сказал дворецкий.

– Не доставлю вам такого беспокойства – мои вещи не придут, – Дориан махнул рукой. – Есть только то, что я привез с собой.

– Тогда я прикажу поднять сюда ваши сумки. – Если Бадре и удивился, то виду не подал.

– Идите. – Дориану неожиданно захотелось остаться в одиночестве.

Дворецкий снова поклонился и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Пожалуй, при всем желании Дориан не смог бы объяснить, почему привез с собой так мало багажа, когда некоторым людям, бывает, не хватает в поездках и пары карет для

вещей. Виконт де Бланко никогда не воевал, не привык к походной жизни, где учишься обходиться малым, однако, несмотря на старания матушки, пытавшейся сделать из него записного франта, оставался почти равнодушен к одежде.

Дориан подошел к большому зеркалу в углу комнаты и в раздумьях уставился на свое отражение. Пожалуй, сейчас он все-таки дал маху. Неведомо, чем закончится сегодняшняя беседа с дядей, и если виконту де Бланко надолго предстоит поселиться в окрестностях Парижа, следовало бы подготовиться к этому тщательнее. Позаботиться о пристойном гардеробе, например. Дориан скривился, отвернулся от зеркала, снял камзол, бросил его на кресло и, подойдя к окну, распахнул створки.

Сразу потянуло знакомым запахом цветущих трав. Снизу доносилось бодрое цвирканье – видимо, под карнизом свили гнездо стрижи. Из башни открывался превосходный вид на окружающие поля, за деревьями неподалеку поблескивал синий глаз небольшого озера. Дориан облокотился о подоконник и снова глубоко вздохнул. Следовало хотя бы немного подумать перед встречей с дядей.

Хотя... Он ведь уже принял решение. И если намерение маркиза де Франсиллона не поменялось, остается плыть по течению и ждать. Ждать отвратительного. Однако иного выхода нет. «Если бы я отвечал только за себя... все было бы по-другому».

Многие в свете, как знал и помнил виконт, меняли покровителей как перчатки. Благо, выбор был богат, его величество создал для того все условия. Но Дориан не относился к лизоблюдам. Ситуация, ставящая его в такое положение, заставляющая чувствовать себя стервятником, поджидающим, пока сдохнет загнанная лошадь, была ему глубоко отвратительна.

Маркиз де Франсиллон соизволил почивать почти до часу дня. Когда он появился, Дориан, сменивший дорожный костюм на непримечательный серый, сидел в одной из гостиных замка, читая книгу.

Годы не сделали маркиза величественным; наоборот, он обрюзг, расплылся, будто свечной огарок, и приобрел болезненно желтый оттенок лица. Даже пышный утренний камзол, расшитый невообразимыми янтарными птицами и цветами, дядюшку не красил, а скорее наоборот: золотая отделка подчеркивала нездоровый вид старика. Рядом с ним Дориан выглядел словно испанский клинок рядом с тыквой.

Виконт немедленно поднялся и приветствовал дядю легким поклоном. Он был неприятно поражен тем, что вести о недомогании маркиза, вскользь упомянутые в письме, оказались правдой. Дядя выглядел из рук вон плохо, и можно было понять, почему он вдруг озаботился вопросами наследования.

– Приветствую вас, маркиз, – произнес Дориан, однако Франсиллон махнул рукой.

– Ты можешь называть меня просто Базиль, мой мальчик, – прогудел он, опускаясь в кресло и внимательно разглядывая племянника. – Однако ты сильно переменялся с тех пор, как мы виделись в последний раз. Но все такой же рыжий.

Дориан позволил себе улыбку. Они с дядей встречались при дворе пять лет назад, и, несмотря на то что говорили всего ничего – маркиз де Франсиллон отдавал предпочтение обществу сестры, – произвели друг на друга благоприятное впечатление.

– Садись, – предложил хозяин дома. – Я рад, что ты счел возможным приехать к старому хворому родственнику. Безусловно, ты понял, зачем я позвал тебя?

– Разумеется. – Подобные вопросы следовало прояснять немедленно. – Вы достаточно подробно изложили это в письме.

– Ты всегда отличался редкой понятливостью, а я не стремился быть слишком уж таинственным, – кивнул маркиз. – Видишь ли, все шарлатаны, что слетелись ко мне, как мухи на мед, сходятся в одном: дольше года я точно не протяну. Какое счастье, что я хотя бы приблизительно знаю дату своей смерти, многим и этого не дано, – невесело усмехнулся он. – А

у меня есть возможность устроить свои дела и привести в порядок бумаги, а также подумать о достойном наследнике. Именно поэтому ты здесь.

Дориан молчал.

– Не стану скрывать, – продолжил маркиз, – что ты был не единственным претендентом на наследство. У меня довольно родственников, которым только дай шанс – они подольют яду в суп и сведут меня в могилу, чтобы завладеть всем моим достоянием. И я пришел к выводу, что мало им всем доверяю.

– Занятно, – не сдержался Дориан, – а мне вы доверяете больше?

– Ты – сын своей матери, и это многое объясняет, – заявил дядюшка. – Как ты, должно быть, знаешь, мы с ней часто обменивались письмами, и она много рассказывала о тебе и о Жан-Люке. Вот твоему брату я никогда не доверил бы управление моими землями, – жестко заметил маркиз.

Дориан в упор смотрел на дядю. Говоря по правде, ему давно опротивело, что все кому не лень считают своим долгом напоминать ему, сколь непутив был Жан-Люк. Но, что бы ни болтали другие, Дориан любил брата, хотя тот принес семье немало горя. Отчасти из-за Жан-Люка он, виконт де Бланко, находится сейчас здесь.

– Жан-Люк умер, – ровно произнес Дориан. – Давайте не будем вспоминать его дела. Не зря говорили древние: о мертвых или ничего, или хорошо. Он не может ответить вам.

Маркиз смотрел на племянника с большим вниманием.

– Именно это я и имел в виду, – удовлетворенно констатировал он. – Благородство. Продолжать вступаться за брата, который... хм. Ладно, оставим эту тему. – Дядюшка побарабанил пальцами по резной ручке кресла. – Словом, не суть важно, какими именно причинами я руководствовался, отправляя тебе письмо. Главное, что ты прибыл в мой замок.

– И что дальше... Базиль? – тихо спросил Дориан.

– Для начала, если я верно понял моего дворецкого, нам следует позаботиться о твоём гардеробе. Прежде чем я буду готов представить тебя как официального наследника, я хотел бы удостовериться в том, что ты подходишь на эту роль. А так как я довольно часто выезжаю, ты будешь меня сопровождать и вести жизнь, достойную тебя. Не обессудьте, виконт де Бланко, – усмехнулся маркиз, – но когда речь идет о подобных вещах, я предпочитаю быть уверенным.

Глава 3

– Вот раньше, мадемуазель, корсеты были удобнее, – проворчала Берта, зашнуровывая платье Лоретты. – И рукава пышнее. Вам бы очень пошли пышные рукава.

– Надеюсь, мне и эти идут, – рассмеялась девушка, трогая кружево на коротком, до локтя, рукаве. Кружево было нежнейшим, привезенным с юга специально для этого платья. Так, во всяком случае, утверждала белошвейка Эвелина, обшивавшая в Париже внучку графа де Мелины. Впервые повстречавшись с Эвелиной, Лоретта была покорена ее напором и желанием сделать так, чтобы в созданных мастерицей костюмах женщины смотрелись превосходно. И действительно, все платья прекрасно подчеркивали красоту Лоретты. В творениях Эвелины она выглядела юной нимфой – не зря вокруг нее увивалось столько поклонников...

И сейчас Лоретта с наслаждением рассматривала себя в зеркале. Новое платье, сшитое специально для этого бала, очень ей нравилось. Оно было из бледно-голубого шелка, с воротником из батиста цвета взбитых сливок, отделанным теми же дорогостоящими тонкими кружевами, и отменно подчеркивало гладкость и свежесть кожи. По высокому лифу, приподнимающему грудь, шла тончайшая вышивка – искусно свитый узор из фиалок. Незнакомая Лоретте мастерица не забыла даже их крохотные листочки...

Верхняя юбка с разрезом, которую дворянки прозвали «скромницей», была чуть приподнята, открывая вторую – «шалунью», затканную малюсенькими сапфирами, что создавало эффект непорочности и воздушности. И все это обрамляли метры изысканного кружева.

Берта, пыхтя, заканчивала шнуровать корсет. Мода требовала, чтобы талия дамы была очень тонкой, и многие жеманницы, случалось, теряли сознание из-за перетянутых корсетов. Однако Лоретте такая беда не грозила: ее талию, как однажды заметил Арсен, можно было обхватить двумя пальцами. Девушка пошла в мать, такую же невысокую и хрупкую.

– Красота-то какая, – довольно приговаривала служанка, расправляя кружева на пышной юбке. Закончив это нелегкое дело, Берта выпрямилась и открыла шкатулку с драгоценностями. – Что вам подать, мадемуазель, жемчужное ожерелье?

– Ну что ты, какой жемчуг! – рассмеялась Лоретта. – Сапфиры, и только сапфиры!

Берта осторожно извлекла из шкатулки тяжелое сапфировое ожерелье, подаренное месяц назад Арсеном. Брат неизменно был внимателен к Лоретте и частенько баловал ее, полагая, что после провинциальной жизни можно немного покуражиться, как он это называл. Арсен не являлся ни игроком, ни расточительным человеком, но радость от жизни получать умел и всячески учил этому Лоретту. «Если мы можем себе это позволить, – говорил он, протягивая сестре очередной дар, – почему должны отказываться? Жизнь коротка».

Лоретте жизнь, однако, не казалась такой уж краткой; девушка была слишком юна, чтобы всерьез прислушаться к подобным словам. Будущее казалось ей безграничным, вроде рассветного луга, исчезающего в молочно-белом тумане. Оно не сулило угроз – одну лишь приятную неизвестность, и Лоретта встречала улыбкой каждый новый день. У себя дома, в поместье, она, просыпаясь, слышала, как поют птицы; и тех же птиц она слышала в Версале. А еще к ним добавлялась переключка утренней стражи, громкий смех ранних – или еще не ложившихся – парочек, песенки садовников... Где бы Лоретта ни жила, это приносило ей радость. Арсен даже изумлялся, как ей удается сохранять такую безоблачность души.

...Сапфировое ожерелье прохладой обняло шею, Берта защелкнула замочек, и девушка снова с удовольствием и некоторым недоумением оглядела себя в зеркале. Неужели это она? Тоненькая фигурка в платье с узким лифом и пышными юбками, сияющая мягким блеском, как бесценная статуэтка. Конечно, ей далеко до признанных светских красавиц, до прелести

королевских фавориток и очарования королевы, но все же, все же... Лоретта себе нравилась. А еще ей заранее нравился грядущий бал.

Людовик XIV обожал увеселения и терпеть не мог, когда кто-то старался перешеголять его в роскоши. Впрочем, смельчаков не находилось со времен интенданта Фуке, который как-то посмел устроить празднование, равного коему не бывало прежде, – и оказался в темнице, освободив место флегматичному с виду, сдержанному Кольберу. Новый министр финансов не разбазаривал имущество на личные нужды, изыскивая средства лишь на прихоти короля и на государственные потребности. Хотя и брюзжал время от времени по поводу апельсинных деревьев, которыми был уставлен весь Версаль...

На бал Лоретту сопровождал Арсен. Этот долг он должен был исполнять до тех пор, пока девушка не выйдет замуж или хотя бы не обручится. Впрочем, Арсен не жаловался. Лоретта успела сдружиться со множеством придворных, и через некоторое время брат мог спокойно оставить ее, убежденный, что с нею ничего не стряется. Лоретта никогда не позволяла себе вольностей. «Идеальная супруга», – усмехался Арсен про себя.

Тронный зал, он же салон Аполлона, озаренный пламенем множества свечей, как всегда, поражал блеском. В него вело несколько дверей из других салонов, в которых по-прежнему шли строительные и отделочные работы – целое воинство архитекторов и художников трудилось над дворцом, который уже стал произведением искусства. Однако почти все залы были открыты и потому полны публики. Салон Аполлона украшали летние шелковые драпировки с вышивкой золотыми и серебряными нитями. Серебряный трон стоял в глубине зала на возвышении, покрытом персидским ковром золотистых тонов, над ним на крюках крепился балдахин.

Множество дворян, знатных и не очень, бедных и богатых, толпилось в тронном зале, ожидая выхода их величеств и начала танцев, чтобы до утра наслаждаться опьяняющей свободой. Лоретта намеревалась уйти пораньше: завтра с утра планировалась верховая прогулка, и следовало выспаться. А вот Арсен не собирался спешить и поддразнивал сестру.

– Отчего ты ведешь себя как старушка? – сардонически говорил он, чуть растягивая слова. – Когда тебе стукнет семьдесят, дорогая сестра, я еще пойму, если ты не пожелаешь танцевать до утра! Но сейчас, когда заиграет великолепная музыка, когда вокруг столько занятных людей! Не упускай момент, не то потом пожалеешь.

– Пожалеть о незначительном кусочке вечера, Арсен? – Лоретта засмеялась. – Что ты такое говоришь!

– Правду, сестричка, только правду! – Молодой де Мелиньи кивнул кому-то из друзей. – Возможно, вскоре ты начнешь жалеть, что не поддавалась на мои уговоры и проспала все на свете.

– Ты так говоришь, будто уже решено, что я уеду через месяц, – нахмурилась Лоретта.

– Кто знает, – туманно ответил Арсен. – Жизнь так непредсказуема. Потому я и советую – лови момент!..

– Его величество король! Ее величество королева! – раздался громкий голос, и блистательное общество, разом затихнув, развернулось к отворившимся высоким дверям.

Король и королева вошли под руку, что вызвало перешептывания среди знати и понижающую улыбку у многих. Несмотря на то что у Людовика имелось несколько фавориток, король нередко посещал по ночам ее величество, дабы выполнять супружеский долг. Впрочем, Лоретта ни разу не слыхала от королевы слов недовольства: его величество был превосходным любовником. Девушка подозревала, что Мария-Терезия не зря спровадила вчера своих фрейлин; теперь, глядя на лицо королевы, озаренное ангельской улыбкой, она утвердилась в своих догадках. Сегодня между царственными супругами царил мир.

Мало кто при дворе любил королеву. Она была неказиста собою – хотя Лоретте казалась прелестной – и нерешительна. Мария-Терезия редко высказывала мужу то, что думает о его фаворитках и обо всех его увлечениях, тогда как фрейлины видели, что она глубоко это переживает.

Его величество Людовик XIV не являлся образчиком мужской красоты, однако он был королем, и королем блистательным. Приземистый и плотный, Людовик мог заставить подчиниться себе и иностранных послов, и женщин, и лошадей, и моду. Властное обаяние этого человека оказалось столь велико, что окружающие ощущали его, словно солнечный жар на коже. Король шествовал сквозь толпу, улыбаясь и кивая, его ноги в башмаках с высокими каблуками, на которые он ввел моду, мягко ступали по надраенному полу, а на искрившийся драгоценными камнями камзол было больно смотреть. Любезная улыбка на лице короля казалась непритворной. Наверное, он и в самом деле радовался этому торжеству, этому вечеру. Лоретте очень хотелось в это верить, хотя она никогда не понимала короля.

Король с королевой сели, и его величество махнул рукой, открывая бал. Музыканты все еще настраивали инструменты.

– Первым танцем будет сарабанда! – объявил глашатай, и общество снова зашушукалось – это являлось очевидным подарком королеве-испанке.

– И кто же поведет вас танцевать, обворожительная мадемуазель де Мелиньи? – проговорил над ухом Лоретты вкрадчивый голос. Девушка обернулась.

Позади нее стоял барон Гаспар д'Оллери – высокий импозантный мужчина, предмет вздыханий многих придворных дам. И – потенциальный претендент на ее руку. Имя Гаспара все чаще фигурировало в беседах членов семейства де Мелиньи.

Гаспар приходился по душе Лоретте. Правда, он был слишком беспокоен для добропорядочной девицы из Бордо, и поговаривали, что его репутация счастливо балансирует на грани падения. Однако слухи оставались слухами, и ни одного факта. Так что формально Гаспар слыл достойным женихом, впрочем, это не мешало матронам оберегать своих дочерей от чересчур пристального его внимания. В Версале было полно таких дворян – записных щеголей, игроков и дуэлянтов. Их жизнь, насыщенная и многоцветная, как корзина с полевыми цветами, казалась Лоретте волшебной сказкой – тем более соблазнительной, чем больше времени девушка проводила в обществе королевы. Мария-Терезия была малообщительной женщиной и блюла репутацию – в противовес королевским фавориткам. В ее окружении находилось мало людей, подобных барону д'Оллери.

Лоретта иногда вздрагивала при мысли о том, что через какое-то время она, возможно, будет связана с Гаспаром навеки, – но не от страха, а от неизвестности. Девушка еще не понимала толком, что такое любовь, и заинтересованность Гаспара и возможность быть с ним вместе вселяли в ее душу темное беспокойство.

А он ненавязчиво ухаживал за ней – этот высокий блондин с холодными серыми глазами, состоявший в свите брата короля, Филиппа Орлеанского, Месье – как того называли. Это вызывало у Лоретты кое-какие сомнения: общество, собиравшееся вокруг принца Филиппа, моральной чистоплотностью не отличалось. Однако Гаспар казался девушке другим. Она не верила, что он может замарать себя недостойным делом; ну, а дуэли – это удел мужчин, тут ничего не попишешь.

Барон д'Оллери выглядел, как всегда, великолепно: в темно-зеленом парчовом камзоле, украшенном умеренным количеством кружев и бантов. По меркам компании Месье, он являлся чуть ли не скромником. И смотрел на Лоретту холодно, однако с неослабным вниманием.

Девушка сделала реверанс.

– Рада видеть вас, барон, – промолвила она.

– Так что же насчет сарабанды? – повторил Гаспар, не улыбаясь. Лоретта никогда не могла понять, подшучивает он или серьезен.

– Вы желаете, чтобы я подарила этот танец вам? – спросила девушка, обмахиваясь веером. К вечеру стало душно – видимо, близилась гроза.

– В этом танце, – изрек Гаспар и чуть дернул уголком рта, что, видимо, обозначало улыбку, – каждый выбирает себе даму, к которой он равнодушен. Музыка дает сигнал, и двое влюбленных исполняют танец, благородный, мерный. – Он понизил голос, отчего заурядные слова наполнились тайным смыслом. – Впрочем, немаловажность этого танца несколько не мешает удовольствию, а скромность придает ему еще больше грациозности.

– Вы говорите как по писаному, – пробормотала Лоретта, смущенная его тоном, а еще больше – смыслом сказанного. – Что же, вы утверждаете, что это танец для влюбленных, но... – Она не знала, как завершить фразу, и потому замялась.

– Я приглашаю вас – чего тут неясного? – вдруг широко улыбнулся Гаспар, и от этой внезапной перемены его настроения сердце Лоретты забило подозрительно быстро.

– Иди, дорогая сестра, танцуй, – Арсен, с заметным удовольствием слушавший этот разговор, слегка подтолкнул ее. – Музыка сейчас начнется. Барон, вверяю мою сестру вам, смотрите, не обидьте ее.

– Как можно, сударь, – усмехнулся Гаспар и взял Лоретту под руку.

Глава 4

Нельзя сказать, что Дориан ехал в Версаль в отличном настроении. Наоборот, ему очень хотелось кого-нибудь убить, хотя видимых причин для этого не имелось.

И верно, с чего бы ему злиться? Насыщенный событиями день и должен был закончиться чем-нибудь в таком роде, а именно – увеселением. Маркиз де Франсиллон утверждал, что не грех повеселить сердце и душу роскошным королевским балом, поэтому возражений не принимал.

В дорожных сумках Дориана не нашлось ни одного придворного костюма, который соответствовал бы высокому званию вероятного наследника маркиза, и в спешном порядке был вызван портной, который, задействовав немалый штат помощников, совершил чудо – за несколько часов сшил вполне пристойный костюм, правда, несколько менее пышный, чем требовалось. Но Дориан не настаивал, напротив, кружев могло бы быть и поменьше.

– Вот здесь мы отделали атласной ленточкой, – соловьем пел портной, пока виконт мерил наряд. – А вот тут – видите эти небольшие банты?

– Они несут какой-то особый смысл?

– Разумеется! – оскорбившись, воскликнул портной. – Банты – это основа бытия!

Дориан хмыкнул и от дальнейших дебатов благоразумно воздержался.

В результате он надел белоснежную батистовую рубашку, жилет, камзол, который, надо признать, отлично на нем сидел, узкие брюки и – вот напасть! – белые шелковые чулки, а после втиснул ноги в туфли на высоком каблуке, с серебряными пряжками. Посмотрев в зеркало, Дориан остался недоволен. Его загорелое спокойное лицо скверно сочеталось с этим нарядом, да и чувствовал виконт себя в нем павлином. Но дядя приложил усилия, чтобы вывести племянника в свет, и нужно было покориться хотя бы из вежливости.

Безрадостные мысли не давали Дориану покоя. С одной стороны, он должен чувствовать немалую благодарность к дяде, который решал его грядущие финансовые проблемы; с другой стороны, виконт ощущал себя беспринципным стяжателем. Не в его характере было действовать подобным образом. Но что предпринять, если другого выхода нет?

Карета с гербом де Франсиллонов на дверцах плавно катилась в сторону Версаля. Маркиз разлегся на подушках и, кажется, дремал, а Дориан смотрел в окно. К вечеру стало душновато, над горизонтом висела дымка – возможно, к ночи случится дождь. Ветер, врывающийся в окно и полоскавший тонкие занавески, приносил с собой запахи сена, цветущих трав, ранних яблок. Проехали деревушку; молодая крестьянка, засмотревшись на богатый экипаж, долго глядела ему вслед, теребя кончик длинной косы, а орава мальчишек погналась за каретой, улюлюкая, но вскоре отстала.

Виконт гадал, отыщутся ли при дворе знакомые, с которыми он общался несколько лет назад. С тех пор он почти ни с кем не переписывался, всецело погрузившись в заботы: управление землями и предприятиями поместья отнимало все его время. И, надо признать, Дориан в глуши почти разучился говорить. Большинство дядюшкиных речей, коих сегодня довелось выслушать немало, встречал молчанием. Оно не тяготило его, он так привык. А ведь когда-то, помнится, умел говорить комплименты милым дамам и даже не конфузиться при этом.

Дориан с детства отличался очень ровным, спокойным характером. Страсти были ему несвойственны. Когда другие дети с упоением носились по округе, устраивали шалости, давая выход неумейной энергии, Дориан мог часами сидеть с книжкой в руках на скамейке в саду. В юности его миновали пламенные увлечения – было, правда, какое-то чувство к дочери соседа, смотревшей на него томными дымчатыми глазами, но и оно быстро разве-

ялось, стоило девушке уехать в Париж. Прибыв ко двору, виконт де Бланко не повстречал там дамы сердца, хотя претендовали на эту роль многие. Была приязнь, была дружба, но той всепоглощающей страсти, о которой так много говорят и пишут, не приключилось. И со временем Дориан пришел к выводу, что он не умеет любить по-настоящему. Каждому в жизни отмерена его порция любви – и Дориану досталось мало. Он по-родственному любил брата, отца и мать, это проявлялось в том, что он все готов был сделать для них и защищать, даже если они оказывались неправы. Однако любви к прекрасной женщине он не испытывал никогда.

Не то чтобы у него не случалось женщин – попадались те, кто ему нравился, и они проводили вместе время, ко взаимному удовольствию. В него влюблялись, Дориан отвечал неизбежным безразличием, и женщины отступались. Он жил, положившись на судьбу, плыл по течению и был тем доволен; его мир составляло поместье, книги и охота, и ему не хотелось ничего больше. Со временем виконт предполагал заключить выгодный брак, чтобы продолжить род. Но все это заранее виделось ему как сделка: ни капли чувства – только здравый смысл.

Дориан так задумался, что не заметил, как карета по улице Сен-Клу въехала на территорию Версаля. Зато маркиз де Франсиллон словно почуял это: в последний раз всхрипнул, встрепнулся и выглянул в окно.

– Ба, да уже сады! И строящиеся конюшни, его величество недавно отдал приказ... – Он довольно покивал. – Что ж, скоро прибудем, и, безусловно, не мы одни. Сколько карет! И так ежедневно.

– И нам каждый вечер предстоит сюда приезжать? – осведомился Дориан.

– Почему бы и нет, мой мальчик? – усмехнулся маркиз. – Ты совсем одичал у себя в глуши. Пора бы узнать, что такое полноценная жизнь.

– Я знаю, – пробормотал Дориан, но дядюшка не расслышал. Высунувшись из окна кареты, он с воодушевлением махал какому-то всаднику – очевидно, знакомому. Экипаж подкатил к ажурной решетке Главного Почетного двора, и маркиз при содействии племянника благополучно выбрался наружу.

– Дальше придется идти пешком, – пропыхтел дядюшка. – В королевский двор в каретах могут въезжать лишь особы королевской крови. Мы, к счастью или к несчастью, к такому не относимся... А ты покинул Версаль раньше, чем были построены Министерские флигели?

– Я вижу, они еще строятся, – заметил Дориан.

– Всего лишь отделка, мой мальчик, всего лишь отделка. Но ты заметил, как изменился облик дворца? С каждым годом он все величественнее.

Дориан взглянул на сияющую золотом оградой, увенчанную королевским гербом, и покачал головой.

Мраморная Посольская лестница привела мужчин в преддверие Больших Королевских покоев. Когда Дориан видел его в последний раз, это помещение выглядело не так роскошно. Однако его величество даром времени не терял. Мраморный камин, двадцать пилястр, основания и коринфские капители которых были исполнены из позолоченной бронзы, – виконт едва не споткнулся, рассматривая все это великолепие. А еще самые красивые картины из королевской коллекции, плафонные росписи... Воистину, трудно и представить себе, сколько стоят эти стены.

Людей вокруг и впрямь оказалось много. То ли Дориан успел значительно подзабыть опыт пребывания при дворе, то ли со времени последнего его визита придворных стало существенно больше, – от ярких камзолов и платьев рябило в глазах. Куда ни взгляни – везде молоденькие девушки, кокетливо обмахиваясь веерами, бросают заинтересованные взгляды

на преисполненных достоинства мужчин, а те величественно прохаживаются и заводят с прелестницами пространные беседы. Смех, гомон, громкие споры, – толпа вокруг рокотала, словно океанский прибой.

Дориан чувствовал себя неуютно в непривычно ярком и пышном костюме, а новые туфли натирали ноги. Слегка прихрамывая, он двигался сквозь толпу следом за дядей, который каждую минуту останавливался, чтобы с кем-либо перекинуться словечком, и не забывал знакомить Дориана. Виконт раскланивался, участия в беседах не принимал, только пытался запоминать все имена. Им никто особо не заинтересовался, кроме одного человека в темном костюме, малозаметного и чем-то неприятного.

– А, так это ваш племянник, маркиз! – воскликнул незнакомец, беззастенчиво разглядывая Дориана. – Тот самый виконт де Бланко! И что же, вы остановили свой выбор на нем...

– Рано об этом говорить, – прервал собеседника дядюшка и твердо подтолкнул Дориана в спину, вынуждая двигаться дальше.

– Кто это? – осведомился виконт.

– Приятель моего давнего недруга, – скривился дядя. – Скользкий тип. Невозможно бывать при дворе и не нажить врагов. Некоторые ухитряются сделать это в первые минуты, и я из их числа. Мы с покровителем этого слизняка сразу прищлись не по душе друг другу. – Маркиз удрученно вздохнул. – Если б здоровье дозволило мне пронзить шпагой пару-тройку таких особ!

– Мне сделать это за вас? – безмятежно спросил Дориан.

– Соблазнительное предложение, но пока что я, пожалуй, откажусь... А, вот и вы, мой любезный Клавель! Составите ли мне партию сегодня?

– Охотно, – заулыбался худой человек в розовом (вот пакость-то!) камзоле.

– Дориан, мальчик мой, – маркиз повернулся к племяннику, – я отправляюсь проигрывать твое вероятное наследство. А ты, будь любезен, развейся и убери эту кислую мину с лица – миленьким фрейлинам она не нравится. Когда наскучит играть, пришло за тобой лакея, и мы отправимся восвояси. Или, может быть, ты желаешь составить мне компанию?

– Я не играю, – сухо сказал Дориан.

– Твое дело, – пожал плечами дядя.

Маркиз повернулся спиной к племяннику и важно направился в залу с карточными столами. Оттуда доносился шум, а временами – крики разочарования. Дориана передернуло; он отвернулся от «обители порока», как, бесспорно, назвал бы это место его замковый капеллан, и зашагал туда, где только что звучала музыка.

Салон Аполлона очень изменился с того момента, как виконт де Бланко посещал Версаль в последний раз. Тогда была зима, и на стенах висели длинные полотнища ткани – на них золотом и серебром были вышиты восемнадцать темнокожих юношей с корзинами на головах, и все это перемежалось темно-красными бархатными драпировками. Сейчас же в зале господствовало летнее убранство, еще более подчеркивавшее царящую здесь беззаботность.

Очередной танец завершился, и танцующие смешались, оживленно переговариваясь. Дориан всматривался в толпу, однако вокруг были сплошь незнакомые лица. Повернувшись вправо, он увидел его величество: Людовик вел беседу с хорошенькой девушкой, вероятно, претенденткой на роль очередной фаворитки. Девушка хихикала и краснела. В зале было душно, будто на лицо накинули старое пыльное одеяло. Виконт де Бланко отошел к распахнутому окну.

Суэта версальского двора словно отделялась от Дориана крепкой стеной. Он не имел с этими людьми ничего общего, да и не стремился иметь. Возможно, дядя прав: он одичал в своем затерянном в лесах замке, с книгами, которые ему нравилось читать и которые для него доставляли из Парижа... Он даже почти никому не писал – что верно, то верно. Веро-

ятно, ему надлежало поддерживать связи с теми, с кем он сошелся при дворе, – и сейчас не было бы так душно, гроза тут ни при чем, это внутри. Дориан обернулся: все то же мельтешение незнакомых лиц, все тот же слепящий блеск драгоценностей, и среди этого он, не принадлежащий к сияющему обществу, лишний, неизвестно зачем вырядившийся в ужасный костюм...

Виконт де Бланко сделал шаг к дверям, чтобы выйти из дворца и прогуляться по саду, однако кто-то нахально схватил его за плечо. Дориан в возмущении обернулся, чтобы дать наглецу отпор...

– Точно, я не обманулся, – удовлетворенно констатировал его обидчик. – Это ты.

– Седрик? – Дориан широко улыбнулся, впервые за день. – Неужели мне так повезло, что я повстречал в этом бедламе тебя?

– Ты всегда был везунчиком, – хмыкнул Седрик де Кератри, старинный приятель Дориана и капитан королевской гвардии. – Черт побери, я еле тебя узнал. Откуда это угрюмое выражение? Словно ворон, нахохлившийся на ветке. Тебе не идет.

– А ты всегда был склонен к поэтическим сравнениям, – усмехнулся Дориан.

– Учítывая то число стихов, которыми пичкает меня сестрица, это неудивительно, – пояснил Седрик. – А уж матушка со своей греческой классикой и вовсе... – Он огляделся. – Тебе не кажется, что стоит найти более подходящее место для бесед?

– Конечно, сударь. – Виконт де Бланко был так рад встрече с Седриком, что и не собирався возражать. – Однако есть ли в этом дворце хоть одна свободная комната? Я не могу отлучаться на долгое время.

– Ты невысокого мнения обо мне, друг мой! – патетически провозгласил Седрик. – Не забывай, что мой отец, хоть и старается быть малозаметным, тем не менее умудрился стать незаменимым. И у нас есть комнаты в Версале, в южном крыле. Дальновидно – с учетом того, что его величество, кажется, рассчитывает обосноваться здесь навсегда. Ну, идем же, у меня припрятана пара бутылок бургундского.

Гостиная, куда Седрик привел Дориана, оказалась небольшой и уютной. Из распахнутого окна открывался вид не на хозяйственные постройки или нужники, а в сад. Звуки бала почти не доносились сюда, и Дориан с удовольствием опустилсá в удобное кресло, а Седрик тем временем выудил из шкафчика бутылку вина и принялся разливать темный напиток по бокалам.

– Так, говоришь, его величество намерен прочно обосноваться в Версале? – спросил Дориан, пригубив вино. Следовало разговаривать, конечно же, вовсе не об этом – ведь они с Седриком не встречались бог знает сколько лет, но начинать с рассказа о себе или вопросов о личной жизни давнего приятеля он не мог.

Седрик, так же вольготно развалившийся в кресле, пожал плечами:

– К тому все шло. Когда его величество затеял это строительство, сразу стало понятно, что он не просто бросает на ветер деньги. Потому-то у Кольбера все время, когда речь заходит о расходах на Версаль, такой вид, будто он проглотил сливовую косточку и получил запор. Ты не представляешь, сколько денег сжирает этот дворец.

– М-да. – Вопрос о деньгах был как никогда актуален, поэтому Дориан воздержался от комментариев.

– А что ты хочешь? – беззаботно продолжил Седрик. – Это ведь король Франции, он притягивает взоры. Он – сердце общественного организма. Трудно судить о человеке, на которого направлены помыслы многих людей. На него смотрят тысячи. И он делает то, что делал бы на его месте и другой, – пытается укрепить славу Франции, сияние французского королевского двора. Разве у нас не самые пышные балы, не самые смешные шуты, не самый чудесный дворец в мире? – Седрик скривился и отхлебнул еще вина. – Право слово, Дориан,

если поживешь здесь немного, сам начнешь это видеть. Да я не думаю, что ты этого не понимаешь.

– Ты переменялся, – промолвил виконт. – Впрочем, так и должно было случиться.

Он помнил приятеля немного другим – молодым забиякой, любимцем женщин, олицетворением изящества и чести. Светлые, почти белые волосы Седрик унаследовал от отца, а дерзкие глаза – от матери, и девушки по нему с ума сходили. Дориан слышал, что он женился, но не знал на ком. Вести из столицы доносились до их лесной глуши обрывками, так что им не стоило целиком и полностью доверять.

– Ты тоже, – не преминул заметить Седрик. – Рассказывай, что с тобою приключилось?

– Со мною? Почти ничего. – Дориан повертел в ладонях бокал. – Множество семейных неурядиц. Мой брат, знаешь ли, очень любил светскую жизнь. Это весьма подкосило матушку и наше финансовое положение. – Он помолчал, прежде чем произнести то, о чем до сих пор не говорил ни разу. – То есть мы разорены. Сейчас я остался один, и вся ответственность лежит на мне.

– Черт. – Седрик поставил бокал на столик, инкрустированный серебром. – Дориан, почему ты мне не написал? Мне казалось, что мы были довольно дружны, чтобы протянуть руку помощи друг другу.

– Я не считал нужным вешать на кого-либо свои проблемы. И сейчас не считаю, – резко добавил он, заметив, что Седрик намеревается возразить. – Прости, дружба – это священо, однако со своими делами я разберусь сам.

– Принципы твои остались неколебимы, – отметил Кератри. – Так что... твой брат?

– Мой брат умер, – спокойно объяснил виконт де Бланко. – Полгода назад. Какая-то идиотская дуэль в Нанте, и причина незначительная – лишь бы был предлог вынуть шпагу... Не скажу, что его смерть не принесла мне облегчения. Принесла, и это грех. Я любил Жан-Люка.

– Я знаю, – серьезно кивнул Кератри.

– Но его поведение свело матушку в могилу, а семью поставило на грань разорения... Я уж не говорю о репутации. Огромное горе, что он умер, только в каком-то смысле это дало мне шанс хотя бы что-то спасти. Я честно пробовал управиться своими силами, однако не вышло. – Он помолчал. – И вот я здесь.

Дориан давно не говорил так много и никому не рассказывал о том, что составляло его жизнь в последние месяцы. Он сам себе поражался. Наверное, сейчас он открылся потому, что Седрику, с его представлением о благородстве и чести, нельзя было не доверять. Хотя он сам сказал: люди меняются.

– Извини меня, конечно, но Жан-Люк был мерзавец, – резко произнес Седрик. – Зная о нездоровье твоей матери... Ах, о чем теперь говорить. И что же, ты отыскал выход?

– Он сам меня нашел – в лице дядюшки. Маркиз де Франсиллон... ты должен его помнить... – Дориан поморщился: дядя предстал перед его мысленным взором во всей своей желтолицей красе.

– Я его не только помню, но и регулярно вижу на приемах, – сказал Седрик. – В последнее время он плохо выглядит.

– Именно поэтому он решил озаботиться выбором наследника, – пояснил виконт.

– А! Ты – самый вероятный претендент? – догадался Кератри.

– Похоже на то.

Седрик расхохотался, потом нахмурился:

– Представляю, как тебе отвратительно находиться в таком положении...

– Премного благодарен за то, что ты это понимаешь. – Дориан испытывал радость от беседы со старым другом. Нет, тот не переменялся, он остался все таким же открытым и

честным. – Но отчего мы говорим только обо мне? Расскажи, как твои дела? Я слышал, ты женат.

– О да. – Глаза Седрика затуманились, на лице появилась счастливая улыбка. – И это прекрасно.

– Я с ней знаком? – осторожно спросил Дориан.

– Нет, она появилась при дворе уже после твоего отъезда, четыре года назад. Я влюбился в нее с первого взгляда и на третий день попросил ее руки. Родители были шокированы.

– Твои или ее? – усмехнулся виконт.

– Моих-то ничем не проймешь, – хохотнул Седрик. – Матушка заявила, что это чертовски романтично, но порекомендовала обождать пару дней, чтобы удостовериться, что чувства «к этой божественной Луизе» истинно сильны. Пару дней, сказала она, не дольше. Отец пробурчал, чтобы его позвали, когда нужно будет благословить, и снова уткнулся в книгу. Иногда мне кажется, что мои родители упали с неба. И при этом сильно ушиблись.

Дориан тоже засмеялся. Он чувствовал исключительную легкость – то ли разговор в том был повинен, то ли отменное бургундское.

– Значит, ты женат уже четыре года. Я рад за тебя. Ты познакомишь меня со своей супругой?

– С радостью бы, но Луизы нет в Версале, – развел руками Седрик. – Наш младший сын приболел, и она укатила с ним в Жируар. Там очень славно в это время года, а по двору Луиза отнюдь не скучает. Она бы прекрасно тебя поняла. Я приезжаю к ней каждую неделю, и, если захочешь, поехали в следующий раз со мной.

– Отчего бы нет, – согласился Дориан.

Рядом с Седриком ему чудилось, что все просто. Этот человек обладал поразительным свойством избавлять от ощущения, что над головою висит дамоклов меч. Даже если он висел там в самом деле.

– Младший сын... Значит, у тебя не один? – сообразил вдруг виконт.

– Двое, – довольно улыбнулся Седрик. – И весной, возможно, появится третий.

– А как поживают твои родители?

Кератри несколько погрустнел:

– Матушка ужасно переживала, когда в прошлом году умерла герцогиня де Лонгвиль. Они были дружны. А отец нередко ездит в Шантильи, там сейчас безвылазно сидит принц Конде – ты же помнишь, папа длительное время был начальником его охраны. Говорят, Конде умирает. Великие люди уходят в прошлое.

– Одни великие уходят в прошлое, а другие приходят в настоящее, – напомнил Дориан. – Когда скончался Ришелье, говорили то же самое – и что вышло? Я читал семейные архивы, там многое можно почерпнуть на эту тему. Каждое поколение рождает своих великих людей, и, когда они умирают, кажется, что завершилась эпоха. А затем все повторяется.

– Верно. Но для того ли мы сегодня повстречались, чтобы говорить о политике? – Седрик поднялся. – Идем, покажемся на глаза моим родителям. Они, скорее всего, недоумевают, куда я запропал. Чего доброго, отец решит, что я снова ввязался в дуэль.

– А ты теперь не ввязываешься? – уточнил Дориан, выходя вслед за другом из гостиной.

– Мог бы. Но, по правде говоря, мне это уже изрядно поднадоело, – рассмеялся тот.

Глава 5

– Кажется, я оставил их вон у той колонны. Да, вот они! Матушка, отец, посмотрите-ка, кого я к вам привел!

Эдгар де Кератри обернулся, прищурился, глядя на Дориана, и через секунду расплылся в улыбке. Его супруга, Камилла де Ларди де Кератри, тоже узнала виконта.

– И где ты отыскал этого невозможного мальчишку, Седрик? – ворчливо осведомилась она, когда Дориан склонился, чтобы поцеловать ей руку. – Куда вы изволили исчезнуть, сударь, и на столько лет?

– Приветствую вас, виконт. – У старшего Кератри была великолепная память на лица, титулы и имена. – Правда, отчего же вы не приехали к нам ни разу, не написали?

– Наверное, бессмысленно отговариваться семейными обстоятельствами, – вздохнул Дориан, – однако именно это и будет моим оправданием.

– Никак женился, – улыбнулась Камилла.

– К сожалению, нет. – Если с Седриком Дориан готов был откровенничать в закрытой гостиной, то с его родителями, да еще среди многолюдного бала...

– Право слово, Камилла, не стоит выяснять это здесь и сейчас. – Мсье де Кератри, к счастью, во всем разбирался быстро. – Дориан навестит нас и в спокойной обстановке все поведает. Не так ли, юноша?

– Да какой же он юноша! – удивилась Камилла. – Ведь вы всего на год младше Седрика, верно, Дориан? А ему уже тридцать.

Дориан глядел на родителей Седрика с необычным чувством. Им было уже по семьдесят, что не мешало им участвовать в светской жизни и ощущать себя вполне приемлемо. Правда, Эдгар опирался на тяжелую трость, а руки Камиллы не были столь прекрасны, как раньше, и все же... все же Дориана не покидала мысль, что и его родители могли бы дожить до такого возраста – они ведь были гораздо моложе четы Кератри. Не дожили.

– Ладно, достаточно болтовни. Седрик, иди, представь Дориана подругам Бланш. Видишь, они стайкой сбились в уголке и, конечно же, хихикают и ведут непристойные разговоры, вместо того чтобы танцевать менуэт.

– Бланш – фрейлина ее величества, – разъяснил Седрик, когда они, попрощавшись, отошли от старших Кератри.

– А ее замужество вы устроили? – поинтересовался Дориан. – Помнится, стремились.

– У нее матушкин характер, но смельчак все же отыскался. Тебе бы понравился – почти такой же угрюмый тип, как ты. Сейчас он в Испании. А Бланш развлекается... Добрый вечер, дамы! – Седрик поклонился женщинам, и Дориан последовал его примеру. – Позвольте отрекомендовать вам моего давнего друга, виконта Дориана де Бланко.

«Давний друг», которому было нестерпимо совестно оттого, что он столько лет не давал о себе знать, внимательно разглядывал дам, которых представлял ему Седрик. Бланш, сестра молодого Кератри, изменилась мало – по-прежнему полненькая и обворожительная, она вовсе не походила на ехидную особу. Но стоило ей открыть рот, как выяснилось, что Седрик прав.

– Боже, виконт, я уже и не рассчитывала, что вы покажетесь в наших краях. Седрик утверждал, что вы ведете партизанскую войну в своих семейных лесах, но никак не мог объяснить, против кого. У военных вообще сложно с объяснениями, – подвела она неутешительный итог. Дориан поцеловал ее руку в кружевной перчатке. – Именно по этой причине я, разумеется, не дожусь разъяснений от вас, лесного вояки.

– Но вы не дождались и меня, сударыня, – упрекнул ее Дориан. В обычных обстоятельствах он смолчал бы по своей привычке, однако общество давних знакомых и вино вскры-

жило голову. – Может быть, я предчувствовал это, потому и поторопился уединиться, чтобы потопить скорбь в хорошем вине.

– Скажете тоже! – фыркнула Бланш. – Ладно, так и быть, я вас прощаю.

– Виконт, – при дамах Седрик был немного более официален, – позвольте представить вам графиню д'Арбе, мадемуазель де Леон и мадемуазель де Мелиньи.

Гаспар оставил Лоретту, чтобы сыграть в карты, и она на какое-то время оказалась одна. Барон д'Оллери станцевал с нею сарабанду, куранту и даже «веселый бранль», поэтому следовало немного перевести дух. Лоретта отошла в сторону, к окну, и, обмахиваясь веером, попробовала успокоиться. Близость барона и его подчеркнутая внимательность к ней не давали покоя. Неужели именно Гаспару предстоит стать ее супругом? Неужели с ним она проведет многие годы в довольстве и радости, и у них будут дети – с ее волосами и его глазами? Или наоборот...

Лоретта попробовала вообразить пухлощеких ангелочков и покачала головой. Интересно, те комплименты, что говорит ей Гаспар, искренны или это всего лишь дань галантности? Вот Вилмарт, которого, к счастью, не заметно на празднике (не произошло ли с ним чего?), чистосердечен и прям, несмотря на косноязычие и отвратительные вирши. Он так пощенился в нее влюблен... Лоретта не чувствовала себя вправе давать ему ложные надежды. Во-первых, он ей не нравился, а во-вторых, вряд ли дедушка и Арсен одобряют этот союз. Шевалье де Вилмарт – не из тех мужчин, которые могут составить партию блистательной мадемуазель де Мелиньи. Арсен так часто говорит о ее незаурядности, что Лоретта ему почти верит. Что, разумеется, не значит, будто она на всех обязана смотреть свысока.

Пока Лоретта размышляла обо всем этом, к ней подошла Бланш де Лавуйе. Девушки нравились друг другу, однако разница в возрасте и замужество Бланш не позволяли им общаться часто. Теперь же Лоретта с удовольствием приняла приглашение мадам де Лавуйе примкнуть к компании других фрейлин.

Они мило щебетали о бале и общих знакомых, когда появился Седрик де Кератри, брат Бланш – на взгляд Лоретты, весьма достойный шевалье. Он уважительно поздоровался с дамами и представил им своего старинного приятеля – виконта Дориана де Бланко.

Виконт оказался удивительным человеком. Во-первых, придворный костюм цвета весенней травы ему не подходил, и это было видно; чувствовалось, что он привык носить другую одежду. Щеголь удавился бы за эти изящные бантики тонкой работы, однако мсье де Бланко они, по-видимому, повергали то ли в замешательство, то ли в крайнюю степень недовольства. Во всяком случае, он был неулыбчив и угрюм, хотя и достойно отвечал на подначки Бланш. Во-вторых, он был рыжий. Лоретта с изумлением рассматривала этого человека – она еще ни разу ни у одного мужчины не видела таких волос оттенка пламенеющих осенних листьев, чуть выющихся, небрежно увязанных лентой в хвост. В-третьих, у него было странное, но определенно интересное лицо: немного резкие черты, аристократический нос, золотистые брови с изломом, и глаза как у тигра – медовые, со смоляным зрачком. Когда виконт наклонился к руке Лоретты, чтобы поцеловать ее, девушка поняла, что его пальцы твердые и сильные – не то что у придворных щеголей. Впрочем, и у Гаспара были похожие пальцы...

Лоретта вздрогнула и отняла у Дориана руку.

– Я рада знакомству с вами, виконт, – произнесла девушка как можно более приветливо.

Мужчина ответил полуулыбкой, которую при желании можно было посчитать ответной любезностью. Интересно, ему в самом деле так тоскливо на балу, как кажется на первый взгляд, или у него просто имеются срочные дела? Виконт, похоже, мечтал отсюда сбежать.

– Моя радость также не знает пределов, прекрасная мадемуазель, – тем не менее куртуазно высказался он.

– Вы слишком долго не появлялись при дворе, виконт, – заметила мадам де Лавуйе, – сейчас в моде более пикантные комплименты. Почему бы вам...

– Бланш! – прервал сестру Седрик, видя, как Лоретта порозовела. – Матушка была права, ты ведешь тут бесстыдные разговоры!

– Прости, дорогой брат, но тема розовых кустов в саду Жируара себя исчерпала, – не осталась в долгу Бланш. Виконт де Бланко широко улыбнулся, и Лоретта с удивлением увидела, как преобразилось его лицо. На сей раз это была искренняя, а не дежурная улыбка, и девушке отчего-то стало досадно, что она адресована не ей.

– А вы уверяете, что я многое пропустил, удалившись от двора на столь долгий срок, – Дориан откровенно поддразнивал Бланш. – Я слышу все те же речи, что и несколько лет назад.

– Кое-какие вещи не изменяются, – вздохнула мадам де Лавуйе. – В частности, наши с Седриком пикировки вечны.

– Пусть так, – согласился виконт, – я с наслаждением послушаю их и лет через пятьдесят.

– Я надеюсь, что к тому времени его величество не развяжет никакую войну, на которой Седрик бесславно погибнет, – почти серьезно сказала Бланш. – Ты ведь не содеешь такой глупости, а, Седрик?

– Отнюдь, – отозвался тот. – Луиза обещала собственноручно убить меня серебряным подносом, если я не вернусь с войны. А так как я жуткий скряга и поднос мне жалко, я буду жить долго.

– Это меня полностью устраивает.

Лоретту веселила эта пикировка, хотя она и не принимала в ней участия. Ей всегда нравились люди с отличным чувством юмора и «чутьем уместности», как она это именovala. Умение останавливаться там, где нужна остановка, умение хорошо пошутить, когда в шутке есть нужда, и вовремя предложить увлекательную тему – все это было основными признаками интересного человека в понимании мадемуазель де Мелиньи.

– Начинается менуэт, – произнесла Анна д'Арбе, складывая усеянный крохотными жемчужинами веер. – Шевалье де Кератри, не окажете ли вы мне честь...

– Окажу, – поклонился Седрик, – с превеликим удовольствием.

– Вот это правильно, – одобрила Бланш, – и мораль останется на высоте, если уж тебя и матушку это так заботит. Я не танцую, у мадемуазель де Леон следующий танец занят, а вот мадемуазель де Мелиньи, если я ничего не путаю, свободна. – Бланш улыбнулась. – Лоретта, ты же осчастливишь виконта одним-единственным танцем?

– С превеликим удовольствием, – повторила девушка вслед за Седриком.

– Но я не танцую, Бланш, что вы, – запротестовал виконт.

– Хватит уже вам, хватит! – прикрикнула мадам де Лавуйе. – Вы танцуете, потому что я этого хочу! Не заставляйте даму дожидаться вас, Лоретта очень любит танцы.

Виконт де Бланко смирился и протянул мадемуазель де Мелиньи руку, та осторожно положила пальцы на его рукав и проследовала за кавалером туда, где уже выстраивались пары.

– Вы знаете, что в Бретани менуэт танцуют вовсе не так, как мы с вами? – внезапно спросил виконт.

– О? – Лоретта вежливо улыбнулась. – В самом деле?

– Да, там он по-прежнему сохраняет народный характер, – продолжил шевалье де Бланко. – Он гораздо стремительнее и живее. На крестьянских празднованиях его все еще называют бранлем, и он непосредствен и легок.

– А вы видели, как танцуют бретонские крестьяне? – не то удивилась, не то заинтересовалась Лоретта.

– Да. Мой дом в Бретани.

Вот, значит, откуда он и вот почему так не похож на местных. Бретань, край свободных людей, которые любят море, – так, во всяком случае, высказывался о бретонцах Арсен. Брату всегда нравилось море. Лоретте тоже – но не настолько, чтобы влюбиться в него. Она отдавала предпочтение большим открытым пространствам, по которым можно пройти ногами, а не плыть на ненадежном корабле.

– Ваш дом у моря? – спросила она.

– Не все владения в Бретани находятся у моря, – улыбнулся Дориан. – Мое затеряно в лесах, и там вполне можно одичать, как утверждает Седрик.

Лоретта подняла глаза на виконта – и ей показалось, что у него взгляд не закоснелого землевладельца, а хищника.

Глава 6

Дориан давно не танцевал, однако страх осрамиться прошел с первыми тактами музыки: оказывается, за миновавшие годы он абсолютно ничего не забыл. Придворная жизнь оставила в нем более значительный след, чем он полагал. Все сложные фигуры танца он выполнял, абсолютно не задумываясь, не сбиваясь с ритма и не путаясь. Многие кавалеры не были способны на такой подвиг, несмотря на оживленную светскую жизнь. Когда нужно было обменяться партнершами, сосед, молодящийся щеголь с сильно нарумяненными щеками, шагнул не в ту сторону, запнулся и едва не упал. Устоял лишь благодаря тому, что ухватился за юбку своей дамы. Дориан попытался не слишком уж веселиться по этому поводу. Не хватало еще нарваться на дуэль в первый же день в Версале. Партнерша его не была скована такими условностями, ей никакая дуэль не грозила, и она улыбалась.

«Какая милая девушка, – рассеянно думал Дориан, выполняя фигуры. – Лоретта... Само имя – как музыка. И до чего чудесна: хрупкая, невысокая, с густыми каштановыми волосами и карими глазами, с красивым лицом и тонкими пальчиками». Дориан ощутил волнение, которого давно не испытывал. Этого он и страшился, когда ехал сюда: что придворная жизнь захватит его, он окунется в нее, как в темную воду торфяного озера; церемонии и увеселения, словно водоросли, оплетут ему ноги, и он никогда не вынырнет, никогда. Превратится во второго Жан-Люка. Дориан вздрогнул и чуть не сбился, но тут же выровнял гладкий танцевальный шаг. Он не допустит того, чтобы стать таким, как Жан-Люк. Для чего еще существует самодисциплина?

Лоретта де Мелиньи волновала его вне зависимости от этих опасений. Хотя засматриваться на девушку опасно: Дориан ведь ничего не ведал о ней, возможно, она уже с кем-то обручена, или ее родители подыскивают более достойного жениха, чем разорившийся виконт из Бретани. Наследство дядюшки де Франсиллона – это еще бабушка надвое сказала, а пока Дориану приходится надеяться на успех у женщин исключительно за счет личного обаяния. Рискуя, опять же, нарваться на вызов. Впрочем, дать сатисфакцию он всегда готов.

Так почему бы не попробовать обворожить мадемуазель де Мелиньи?

Воистину, версальский двор кружит голову легкомыслием. Всего незначительный кусочек вечера – и уже такие исполинские планы. Однако бесенок внутри, который долго дремал, придавленный грузом проблем и ответственности, теперь кружился и щекотал: почему бы нет? Почему бы не поухаживать за красивой девушкой с чарующей улыбкой?

Дориан бросил взгляд на Лоретту: та раскраснелась, глаза ее сияли. Бланш не покривила душой – мадемуазель де Мелиньи любит танцы. Что же она любит еще? Галантных кавалеров – наверняка. Дориану вдруг стало интересно: если его умение танцевать вернулось столь легко, вспомнится ли и все остальное, что составляло значительную часть его беспечной юности? Мадемуазель де Мелиньи, безусловно, ни в чем не повинна, и вряд ли ей будет неприятно, если за ней поухаживают. Женщины любят внимание.

Поэтому, когда танец завершился, Дориан с поклоном произнес:

– Дорогая мадемуазель де Мелиньи, не окажете ли мне честь выпить лимонаду в моем обществе?

– Охотно, – взволнованно согласилась Лоретта, и Дориан, улыбнувшись, повел ее в Салон Марса, где сегодня не танцевали, но подавали напитки и кушанья, приготовленные королевскими поварами. А плохих поваров Людовик не держал.

На столиках вдоль стен стояли подносы с горами закусок, прислуга разносила вино и лимонад. Виконт усадил Лоретту на обитую красным бархатом банкетку, позвал слугу, и через некоторое время расторопный малый, облаченный в расшитую золотом ливрею, при-

нес им по бокалу лимонада и две тарелки с крошечными пирожными. Дориан поморщился: раньше кондитерские изделия были крупнее. Кажется, Кольбер все же экономит на содержании двора его величества. Лоретта с удовольствием надкусила одно из пирожных, украшенное горкой взбитых сливок и нескромной вишенкой. Виконт наблюдал за девушкой со странным чувством.

– Отчего вы так на меня смотрите? – спросила она, обворожительно слизнув крем с розовых губ.

– Вы с таким наслаждением кушаете, – объяснил Дориан. – С такой детской непосредственностью.

Девушка оскорбилась – она-то считала себя взрослой! Виконт заметил это.

– Прошу помиловать меня, мадемуазель, – торопливо извинился он, – я ни в коей мере не желал обидеть вас. Но, – уголок его рта дернулся, – в детской непосредственности и нет ничего постыдного. Наоборот, я радуюсь, когда встречаю людей, ее сохраняющих. А сейчас я просто нескладно выразился. Годы, проведенные вдалеке от Парижа, не проходят даром.

– А вы давно не появлялись при дворе? – спросила Лоретта заинтересованно. Промах виконта она, конечно, сразу же позабыла.

– Несколько лет, – туманно отозвался Дориан. – Знаете ли, семейные обстоятельства... Впрочем, не скажу, что я был от этого несчастлив.

– О! Вам не нравится двор? – изумилась Лоретта.

– Он чрезмерно утомляет меня. Я отдаю предпочтение другому времяпрепровождению, – все так же уклончиво отвечал Дориан. Ему не хотелось посвящать юную особу в сложные финансовые и личные проблемы.

– Вы хотите сказать, время вдали от двора проходит с большей пользой? – Лоретта наклонила голову набок, словно любопытная синица.

– Для меня – несомненно. Я предпочитаю провинциальную тишь.

Девушка кивнула – по нему было видно. Она не промахнулась в своей первоначальной оценке, решив, что для виконта де Бланко непривычна придворная одежда.

– Поэтому я многое пропустил. – Дориан обвел взглядом Салон Марса. – Когда я уезжал, строительство этого зала только начиналось. А теперь... – Он разглядывал плафонную роспись. – Теперь это просто триумф псевдогреческой мифологии.

– Я не очень-то сильна в мифологии, – с сожалением призналась Лоретта. Хотя Арсен и приносил ей книги, у нее абсолютно не оставалось времени на чтение. А ее величество предпочитала испанские романы. Лоретта читала по-испански, на этом языке хорошо говорил отец. – А почему «псевдо»?

– Возможно, мне стоит устроить для вас лекцию по росписи? – серьезно предложил виконт и, не дожидаясь согласия дамы, указал на плафон. – Смотрите, это Марс на колеснице, запряженной волками.

– Марса я знаю! – рассмеялась Лоретта.

– Это прекрасно, – без тени улыбки ответил Дориан. – А вон там – Геркулес, поддерживающий Победу.

– И Геркулес мне знаком, – скромно призналась Лоретта.

– Так вы меня разыграли! – делано возмутился Дориан. – Вам и так все известно!

– Может быть, я хотела послушать вас. И вы так и не сказали мне, почему «псевдо»? – напомнила Лоретта.

Виконт хмыкнул.

– Приглядитесь, все героические персонажи и олимпийские боги имеют определенное портретное сходство, – заговорщицким тоном прошептал Дориан, склоняясь к ее нежному ушку.

Лоретта, затаив дыхание, рассматривала росписи. Виконт терпеливо дожидался, пока она додумается. Конечно же, она догадается. Пусть прототип стал старше и полнее, но сходство все еще бросалось в глаза.

– Так это же... – ахнула Лоретта несколько мгновений спустя. – Это же...

– Именно. Марс, Геракл и все остальные персонажи – это его величество, – подтвердил ее мысль Дориан.

Мсье де Бланко нравился Лоретте. Он казался необычным, а после одинаковых лиц, на которые этот дворец накладывал некий общий отпечаток, смотреть на Дориана было приятно. И с ним так же увлекательно говорить, как с Гаспаром.

Лоретта немного сникла при воспоминании о вероятном супруге. Она разрешила себе увлечься беседой и позабыть о бароне д'Оллери – а между тем ему обещан еще один танец. Какая жалость, что придется прервать беседу.

– Не хотите ли еще лимонаду? – Виконт де Бланко был сама учтивость.

– Благодарю. – Лоретта поставила бокал и встала. – Мне пора идти.

– Надеюсь, я ничем не обидел вас? – забеспокоился Дориан.

– Отнюдь, виконт, ваше общество доставило мне удовольствие. Но меня, наверное, ждут.

Шевалье де Бланко взял ее руку, поцеловал и задержал в своих пальцах на миг дольше, чем надлежало.

– Что ж, надеюсь еще встретиться с вами, прекрасная мадемуазель де Мелиньи, – глядя ей прямо в глаза, проговорил он.

...Шагая по бальному залу в поисках Арсена или Гаспара, который тоже мог оскорбиться невниманием с ее стороны, Лоретта не могла понять, почему так стучит сердце и горят щеки...

Случайный знакомый не покидал мыслей мадемуазель де Мелиньи на протяжении всего вечера и последующего утра. Почему-то припоминался взгляд медовых глаз виконта де Бланко и его неспешный разговор, свежие и неизбитые темы для беседы. Лоретта и сама не подозревала, насколько истосковалась по людям из провинции, глядящим на многие вещи непредубежденно. И хотя Дориан не сказал ничего такого, что могло бы потрясти воображение, исключая эпизод с росписями, он произвел на девушку сильное впечатление. Она не могла понять, почему.

Полутру, когда несколько фрейлин пребывали в апартаментах королевы, в так называемом Полуденном кабинете, и Лоретта читала, она даже сделала несколько ошибок в произношении и пару раз потеряла строку, что не укрылось от внимания Марии-Терезии.

– Дитя мое, что вас тревожит? – осведомилась королева, поглаживая обожаемую собачку. Та спокойно дремала на коленях коронованной особы, разомлев от жары.

– О, ничего, ваше величество! – сокрушенно произнесла Лоретта, опечаленная своими ошибками. – Сегодня утром я невнимательна.

– Без причины такого не бывает, – кротко улыбнулась Мария-Терезия. – Надеюсь, у вас нет неприятностей, дитя мое?

– Никаких, – покачала головой девушка.

– Вероятно, вы влюблены, детка, и скрываете это от нас? – высокомерно промолвила одна из фрейлин, маркиза де Шардо. Эта дама была без ума от сплетен, но мало что смыслила в любви.

– Ну что вы, – возразила Лоретта. – Если бы я была влюблена, я бы так и сказала.

Маркиза де Шардо ей не нравилась – сухая старая дева с вечно поджатыми губами и блеклыми, лишенными всяких украшений волосами. В эпоху вычурных причесок и торжества пышности это казалось более чем странным. Маркиза, возможно, хотела показать, что

она не такая, как окружающие. Она сыпала цитатами из Евангелия и все время говорила гадости, выдаваемые за бесценные советы.

– А как же барон д’Оллери, с которым вы танцевали вчера почти весь вечер? – не отставала старая дева. Лоретта дернулась: неужели внимание барона к ее персоне так заметно? Или это маркиза такая наблюдательная? Наверняка шпионила.

– Отчего мне было не станцевать с ним? Барон – милый человек и учтивый кавалер, – Лоретта постаралась свернуть данную тему.

– Однако он из круга его высочества принца Орлеанского, – со значением продолжила мадемуазель де Шардо.

– И что в этом такого? – разозлилась Лоретта.

– Из окружения Месье, вот как? – вмешалась Мария-Терезия, не упустившая ни слова. Собачка на ее коленях зевнула во всю розовую пасть и снова уснула. – Будьте осторожнее, дитя мое.

– Вы зря клеветаете на барона, маркиза, – вмешалась молчавшая до сих пор Бланш де Лавуйе. – Я немного знаю его, он достойный шевалье и не позволяет себе вольностей в отношении дам.

– А вы, как всегда, чересчур добры к людям, – отрезала маркиза, ужасно недовольная тем, что ее не поддерживают.

– Действительно, иначе вы не сидели бы тут, – пробурчала Бланш.

– Дамы, прошу вас! – промолвила королева. – Не стоит устраивать ссору в такой славный день.

Судя по великолепному настроению Марии-Терезии, очередное посещение королем ее спальни прошло незабываемо. Лоретта только диву давалась, как Людовик, при всей его любвеобильности, умудряется сохранять неплохие отношения со всеми женщинами. Они ревновали друг к другу, но не делали пакостей королю. Правда, мадам де Монтеспан была замешана в заговоре отравителей, однако король простил ей это, несмотря на то что подозрения в отношении ее имели вполне реальную почву.

Маркиза поджала губы, и тему на время отложили. Лоретта не сомневалась, что в отсутствие королевы мадемуазель де Шардо продолжит задавать вопросы. Если бы еще знать на них ответы...

За ужином, который проходил в комнатах де Мелиньи, дед почтил внуков своим присутствием. Когда он возник на пороге, Арсен и Лоретта были немало удивлены. Обычно Жером де Мелиньи ужинал вместе с приятелями, такими же желчными стариками, как и он сам. Однако нынче он предпочел общество родных.

– Дедушка, неужели это вы? – с улыбкой приветствовала его Лоретта. – А мы вас не ожидали.

– Я и сам не ждал, что сменяю дружеские посиделки на трапезу в кругу родни, – пробормотал граф де Мелиньи, устраиваясь в любимом кресле. – И что вместо голубей в вине я буду есть салат.

– О, это печально слышать. Что же подвигло вас на такие жертвы? – иронично поинтересовался Арсен.

– Чувство долга, мой мальчик, – раздраженно отозвался дед. – Мне нужно побеседовать с вами обоими, а лучше всего сделать это за ужином – особенно если Лоретта сегодня не трапезничает вместе с фрейлинами, а ты, Арсен, не в карауле.

Брат и сестра обменялись выразительными взглядами и выжидательно уставились на деда. Однако граф не спешил пояснить внукам свои слова. Он интенсивно и не без удовольствия налегал на салат, который только что обругал.

Жерому де Мелиньи было шестьдесят пять лет, что само по себе являлось неким достижением – немногие офицеры действующей армии доживали до такого возраста в эпоху постоянных войн и маневров, замаскированных под войны. Некоторое время назад граф, сочтя свой долг перед родиной исполненным, вышел в отставку, чтобы иметь возможность прожигать жизнь, как захочется. Крупное состояние и большой опыт придворной жизни позволяли ему получать удовольствие от тех тонкостей, которых непосвященные не замечали. Лоретта сначала даже удивлялась, как дедушка с его тягой к интригам мог прослужить столько времени в чине офицера. Лишь потом Арсен объяснил ей, что ничего простого не бывает и что плести интриги в армии ничуть не менее почетно, чем делать это в окружении особ королевской крови.

Сейчас дед бывал при дворе каждый день – если двор находился в Лувре, Жером ночами, после балов возвращался оттуда пешком, так как парижский дом де Мелиньи располагался в соседнем переулке; если двор, как вот сейчас, проводил лето в Версале (старый летний замок Сен-Жермен теперь был почти забыт), дед не оставлял его ни на минуту, предусмотрительно заполучив комнаты в строящемся дворце. Весьма верный ход, как показало время. Личные комнаты в Версале, на приемы в который приглашалось нынче до ста тысяч человек, означали высокий статус и даже являлись знаком принадлежности к элите.

При дворе графа де Мелиньи считали эксцентриком. Одни его ночные пешие прогулки чего стоили! Поэтому даже его собственные внуки не могли предсказать, что дедушка выкинет в следующий раз.

Сейчас Лоретта почти потеряла аппетит от любопытства и сидела как на иголках, ожидая, что скажет граф.

– Я слышал, ты имеешь успех, – наконец обратился к ней дед.

– Успех? – приподняла брови Лоретта. Она вовсе не считала наличие нескольких воздыхателей большим успехом. Конечно, многие оказывали ей знаки внимания, однако так и принято при галантном дворе.

– Настолько большой, что тебя уже сватают, – усмехнулся Жером.

Лоретта ощутила, что краснеет. Неужели барон д'Оллери отважился? Она вообразила, как он объясняется с ее дедом, – высокий, исполненный достоинства. Или... ой! Или это виконт де Бланко? Неимоверною глупостью было бы думать, что после вечера знакомства виконт устремился прямо к ее деду и потребовал руки Лоретты, однако... Эта мысль была запретной, притягательной и очень приятной. Девушка живо представила себе виконта, и ей стало слегка не по себе. Не так, как бывало, когда она думала о Гаспаре, но все равно очень и очень необычно.

– Я вижу, ты догадываешься, кто бы это мог быть, – сказал дед, отмечая смену выражений на лице внучки.

– Лоретта? – озадаченно произнес Арсен, тоже глядя на сестру.

– Нет, – пробормотала она, – не догадываюсь.

– Думаю, что ты лукавишь. – Жером допил вино и поставил пустой бокал на стол. – Сознаюсь, я был удивлен, когда этот молодой человек изъявил желание поговорить со мной, а после в изысканных оборотах, которые, очевидно, обдумывал всю ночь, попросил твоей руки. Я пока не дал ему однозначного ответа, вдруг тебе он по нраву и ты возжаждешь презреть условности и выбрать в мужья не слишком типичного представителя версальского двора.

Лоретте стало жарко. Дед не мог так говорить о Гаспаре! Вот уж кто абсолютно типичный представитель, придворный до мозга костей. Значит, виконт де Бланко? О господи! Лоретта вспомнила его тигриный взгляд, замаскированный под прищур ленивого домашнего кота, и подумала, что если это виконт, она... она не знает, что делать. Соглашаться неосмотрительно. Разве можно узнать человека всего за один вечер знакомства...

– Ну, не буду тебя мучить, – протянул дед. – Как насчет того, чтобы ответить согласием шевалье де Вилмарту, а, Лоретта?

Арсен громко захохотал, а девушка ощутила, что сейчас вместе со стулом провалится сквозь пол. Никто не знал о ее тайных мыслях, и тем не менее ей стало очень совестно. Как она могла!.. Злость на себя обратилась в злость на шевалье де Вилмарта, который ни в чем, кроме неразделенной любви, не был повинен. Но сейчас Лоретте требовалось куда-то деть скопившееся напряжение.

– Вилмарт, вот как! – пропела она, с вызовом глядя на деда. – Конечно, я обвенчалась бы с ним, будь на то ваша воля, однако раз уж вы спросили моего мнения... Шевалье де Вилмарт – один из самых омерзительных людей, с которыми мне доводилось сталкиваться! Он навязчив и неуважителен. Он пишет ужасающие стихи, которые не стыдится читать дамам при каждом благоприятном и неблагоприятном случае, а значит, он еще и неприличен. Он неуклюж, всегда скверно выглядит и забыл, что следует хоть иногда заходить к портному. Три его камзола уже намозолили мне глаза. А шляпа у него вообще одна-единственная. Если вы мне велите, дедушка, конечно, я выйду за шевалье де Вилмарта, однако в первый же день после свадьбы я либо сама его убью, либо наложу на себя руки. – Лоретта остановилась и перевела дух. – Хотя он не стоит того, чтобы я шла на такие жертвы, поэтому лучше убью его. И даже богатой вдовой не останусь – какая жалость, ведь у него совсем нет денег.

Дед и Арсен переглянулись и громко рассмеялись, брат даже зааплодировал.

– Не могу поверить, что он решился, – буркнула Лоретта и с силой вонзила вилку в куриную ножку.

– Почему? – возразил Арсен. – Напротив, этого следовало ожидать. Он так давно увидался вокруг тебя. Я недоумевал, отчего он не просит твоей руки, но Вилмарт, видимо, просто набирался отваги.

– Надеюсь, вы не рассчитывали, что я соглашусь? – с ужасом спросила Лоретта, переводя взгляд с деда на брата.

– Ну что ты, Лоретта, деточка моя! – проговорил Жером, вытирая выступившие от смеха слезы. – Разве я могу испортить репутацию де Мелиньи, дозволив тебе выйти за придворного шута, с которым не потянутся даже любимые карлики их величеств! За кого ты меня принимаешь, скажи на милость?

Лоретта вздохнула с облегчением. Зная об эксцентричности Жерома, ожидать можно было всякого.

И все же ей не давал покоя один факт: отчего, стоило дедушке заговорить о сватовстве, в ее голове так легко возник образ виконта де Бланко? Пусть и в мыслях, но это была измена Гаспару... Гаспару, который был так внимателен к ней и – что уж тут! – привлекал ее.

Глава 7

На четвертый день пребывания в гостях у маркиза де Франсиллона Дориан осознал, чем ему не нравится Версаль. Для него здесь не находилось дела.

В Бретани он всегда находил, чем заняться. Поместье, где Дориан, по мнению Седрика, вел партизанскую войну, было громадным и требовало неизменного внимания и больших средств. Старый замок, возведенный еще в четырнадцатом веке, когда абсолютно не задумывались об удобствах и о стоимости содержания, за долгие десятилетия, конечно же, обветшал. Отец затеял постройку нового крыла, но не дожил до окончания этого проекта, а Дориан остановил работы, как только смог. Он не был уверен, хватит ли ему средств возвести хотя бы сарай для скота вместо полностью сгнившего прежнего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.